

Ана Асная

ИГРЫ С ОГНЕМ за гранью

18+

Игры с огнем

Яна Ясная

Игры с огнем. За гранью

«Яна Ясная»

2019

Ясная Я.

Игры с огнем. За гранью / Я. Ясная — «Яна Ясная»,
2019 — (Игры с огнем)

Аманда Феррерс хочет служить и защищать. Ей бы податься в политику - следом за папой, или в высшую магию - как мама, или хотя бы отправиться прожигать жизнь в кругу золотой молодежи - на радость военным, но нет! Мы не ищем легких путей! Мы вообще путей не ищем - мы их создаем, ибо природный порталный маг это редкость, а природный порталный маг с шилом в пятой точке - это кара небесная за все грехи прошлых жизней... Но мы отвлеклись! А зря. Потому что Аманда Феррерс идет наносить добро и причинять справедливость! Кто не спрятался... Третья книга по миру "Игры с огнем". Однотомник, может читаться самостоятельно. Фото с pixabay.

© Ясная Я., 2019

© Яна Ясная, 2019

Содержание

Часть 1. По ту сторону	6
Глава 1. Идеализм и реализм	6
Глава 2. Стажеры и вояки	15
Глава 3. Армейский юмор и жизнь	27
Глава 4. Теория и дедовщина	36
Глава 5. Практика и вливание в коллектив	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Древние магические рода – наша оборона. Они бруствер, щит, который отделяет простых людей от магических и всех прочих катаклизмов, и, случись беда, примет на себя первый удар.

И выдержит его, укротит свирепое буйство стихии. Умерит разрушительную мощь техногенных катастроф. Встретит первый удар чужой армии. Даст всем прочим время если не принять контрмеры, то хотя бы укрыться.

Волнорез, в который из века в век бьет яростный прибой, и растратив силы, доходит до берегов ласковыми волнами.

«Игры с огнем»

Часть 1. По ту сторону

Глава 1. Идеализм и реализм

Мэнди

– Вы издеваетесь?!

Кажется, мужчина, сидевший за столом напротив меня, очень удивился. Он поднял брови, вытянул лицо и посмотрел на меня поверх очков в позолоченной оправе с выражением глубочайшего недоумения, ожидая пояснений.

А я настолько была поражена его предложением, что пока что могла только сердито сопеть, перебирая в уме имена предков в прямом и обратном порядке. Поэтому, не дождав-шись ответа на свой выразительный взгляд, он позволил себе так же выразительно поинтере-соваться:

– Простите?

– Я повторюсь, господин полковник, – предки, как всегда, не подвели – напомнили, кто я и где, и мой голос был холоден и исполнен высокомерного достоинства. – Меня зовут Аманда Феррерс, и я прибыла сюда для того, чтобы как представительница одного из аристо-кратических родов выполнить свой гражданский долг. И, поправьте меня, если я ошибаюсь, но согласно закону, долг этот представляет собой получение практического опыта на случай угрозы благополучию жителей нашей страны и мира.

– Позвольте, мисс Феррерс, я ни в коем случае не хотел вас оскорбить. Возможно, воз-никло некоторое недоразумение, но я спешу вас заверить, со всем уважением, что должность помощника начальника отдела по связям с общественностью – исключительно почетна и ни в коем случае не противоречит вашему высокому статусу. Да и, я уверен, ваш отец...

– Практический опыт на этой должности, по-вашему, в чем заключается? – ядовито осве-домилась я, понимая, что мы друг друга все же не поняли. – В титанических усилиях при пере-кладывании бумажек из одной стопки в другую? Или в постоянной угрозе умереть от пылевой аллергии?

– Если у вас аллергия, – не моргнув глазом отозвался Джейкоб Арвенгейл, полковник и глава Рейтанийского сектора системы порталов стратегического назначения «Щит», – то вы ни в коем случае не обязаны работать с бумагами. Достаточно будет и присутствия на знако-вых мероприятиях, о которых вас известят заранее и выдадут материалы для подготовки, есте-ственно, в электронной форме.

«Издевается», – окончательно прониклась я, а потом молча пододвинула полковнику лежащий между нами лист с моим распределением, где черным по белому значилось назначе-ние: маг-порталист третьей категории (обслуживание порталной единицы №9) – и ткнула в эту самую строчку пальцем.

– Ах это! – по выражению лица моего собеседника можно было подумать, что он мое назначение только что в первый раз увидел, хотя вообще-то списки распределения подписыва-лись именно полковником. – Не переживайте, мисс Феррерс, просто правила есть правила. Мы обязаны распределять представителей аристократических родов по горячим точкам, однако острой необходимости в этом нет. Мы живем в спокойное мирное время, все порталы давно отлажены, а форс-мажоры если и случаются, то для их устранения вполне достаточно уже дей-ствующих сил и ни к чему привлекать гражданских. У меня нет ни малейшего намерения изде-ваться над вами и заставлять работать наравне с опытными магами, да еще и военными! Вам

же это совершенно ни к чему, правильно? Формально отметитесь в работе в отделе по связям с общественностью, получите свою печать о прохождении обязательной стажировки и свободны.

В первые мгновения мне показалось, что я ослышалась. Дар речи снова куда-то потерялся и пока я разыскивала его, хлопая ресницами, мистер Арвенгейл благожелательно продолжил:

– Я с пониманием отношусь ко всей этой суете с обязательной стажировкой. Ну к чему молодой красивой девушке все эти тяготы военной службы? Совершенно ни к чему. Я уверен, что и лорд Феррерс будет только рад, если его единственной дочери не придется даже чисто гипотетически рисковать своей жизнью и вращаться в неподходящих кругах.

Вулкан по имени Аманда Феррерс дошел до точки извержения и благополучно пыхнул в воздух дымом, пеплом, искрами и прочим огненным темпераментом предков.

– Если вы прямо сейчас не допустите меня до моего настоящего места прохождения обязательной стажировки, то я уверяю вас, вы об этом горько пожалеете! Вы забыли, зачем вы сидите в этом кресле, полковник?! Ваша задача – обеспечивать безопасность этой страны и мира! Это и моя задача тоже – как представительницы аристократического рода. И если вы к своим обязанностям относитесь спустя рукава, то я так же поступать не намерена!

Лицо полковника налилось краской, надувшиеся щеки врезались в жесткую стойку воротника. А я воодушевленно продолжала:

– Мирное время говорите? А если завтра случится война? А если нашествие иномирян? А если магическое цунами? А если просто природная катастрофа и необходимость эвакуировать миллионы людей? Кого мобилизуют на это?! Меня и остальных, тех самых, которым вы заявили «ну зачем вам марать наманикюренные пальчики?». Вы бы доверили мне свою жизнь, а, полковник? Жизнь ваших родных и близких? Девушке пусть и с кучей знаний, но без какого-либо практического опыта? А?!

Арвенгейл молчал. Судя по его лицу, это единственное, что он сейчас мог делать в мой адрес, чтобы не сорваться на ор и оскорбления. Раскаленная лава, подступив к горлу, начала потихоньку остывать, и я вместе с ней, а потому убавив тон зловеще добавила:

– Так что, полковник, со всем уважением, прямо сейчас я отправлюсь обслуживать портал. А когда вернусь... когда вернусь, вам все же лучше будет найти весомые объяснения тому, что отправленные под ваше начало аристократы не получали необходимых умений, предписанных им законом. Комиссия по Наследию древних родов этим очень заинтересуется. А если вы попытаете еще каким-то образом отстранить меня от дела, тут побывают вообще все – от налоговой до высшей магической инспекции!

– Вы напрасно горячитесь, мисс Феррерс, – медленно и чеканно произнес Арвенгейл, и мне сделалось стыдно, завидно и зло одновременно. Во-первых, аристократке пристало держать лицо, во-вторых, мне бы такую выдержку, когда на тебя почти орет какая-то сопля, мужик! В-третьих – вовсе не напрасно! – Между нами возникло недопонимание, только и всего.

Он черкнул (почти что высекая искры) по листу с моим назначением, шлепнул сверху печать (стол содрогнулся) и вернул бумагу мне.

– Хотите получать практический опыт – получайте на здоровье. А если передумаете, то помните, что конфликт был недоразумением, и ни в коем случае не повлияет на ваше желание сменить должность. Место помощника главы по связям с общественностью я все же для вас придержу. Команда, обслуживающая порталную единицу номер девять, вас уже ожидает. Всего доброго.

– Благодарю, – церемонно кивнула я, забрала назначение и поднялась: – Всего доброго.

Пусть и не надеется! Не передумаю!

Я вышла из кабинета главы Рейтальийского сектора системы порталов стратегического назначения «Щит» и ярко представила, как прямо сейчас полковник нервно набирает номер

начальника порталной единицы номер девять и морально готовит его к тому, что вот-вот непредвиденно свалится на его голову.

Мысль это вызывала вызывала смешанные чувства – от легкой вины до злорадного удовлетворения.

– Добрый день, – произнес маг, встретивший меня, вышедшую из перехода. – Добро пожаловать на Опорную точку №9, мисс Феррерс.

Добра в его голосе, откровенно говоря, было маловато. Куда больше было раздражения и неприязни – господин встречающий владел собой куда хуже полковника Арвендейла. Но, возможно, именно поэтому полковник – и полковник. А этот товарищ пока что только майор, на что внятно указывали нашивки на погонах.

– Меня зовут Флинн Лисовский, и я возглавляю отряд, с которым вам предстоит отправиться к portalу, а значит, являюсь вашим непосредственным руководителем. Следуйте за мной.

Он повернулся ко мне спиной, не дожидаясь от меня ответных изъяснений «доброты», и я только пожала плечами. Не хотите, как хотите, у меня этой самой доброты не то, чтобы уж прям много, чтобы направо и налево ценный ресурс расходовать!

Опорной точкой называлась ближайший перевалочный пункт на пути к одному из порталов Щита. Сами порталы находились в глуши, окруженные обширными и многослойными защитами, включающими полную невозможность перемещаться магически в радиусе нескольких километров.

Работа на Щите велась посменно, и именно Опорная точка служила местом выдвижения на работу одной смены и возвращения другой.

– Я хочу сразу предупредить вас, мисс Феррерс, – майор шагал быстро, размашисто, откровенно говоря, мне приходилось семенить, чтобы и не отстать, и не пуститься в бег. – Мне глубоко плевать, кто вы, и кто ваши родители, и раз уж вы изъявили такое горячее желание понюхать порошу, церемониться с вами я не намерен. В отличие от полковника, который в своей должности просто вынужден терпеть некоторые аристократические выкрутасы, для меня в первую очередь имеет значение моя работа и ее выполнение, поэтому носиться с вами здесь никто не будет. А вы, между прочим, одним своим появлением уже создали для нас множество проблем, и если будете продолжать в том же духе, то я сам, лично, вышлю вас обратно на гражданку с самыми лестными рекомендациями и разбираться с вашим незачетом по стажировке будете самостоятельно.

Я?! Я создала проблемы?! Они вообще все тут с ума посходили что ли?

Крышечка горшочка с терпением, который здорово нагрела беседа с полковником, снова начала постукивать. Горячий пар обжигал горло, но пока что еще не вырывался злыми и хлесткими словами. Я шагала за «непосредственным начальством», пытавшимся внушить мне какое-то нелепое чувство вины, и напоминала себе о выдержке, которой я только что завидовала.

Крепись, Аманда! Ты сможешь!

– Избалованным девицам, вроде вас, не место на Щите. И если я хоть раз увижу, как вы морщите носик и косите от порученных вам дел...

– Довольно угроз, господин майор, – не утерпев, булькнула кипятком я. – Я услышала, поняла и осознала вашу позицию. Вы не упомянули только, какие проблемы я создала своим прибытием. Я раскаиваюсь и жажду исправиться.

– Раскаиваться и исправляться будете на станции, – огрызнулся майор, не оборачиваясь. – Если, конечно, до нее дойдете.

Не знаю, какую цель ставил перед собой господин Лисовский, но кое-какого результата он все же добился – я была в бешенстве.

Нет, я вовсе не считала, что мое имя обязывает остальных кланяться мне в ножки, лебезить и заискивать, очень даже наоборот – я такого преклонения перед моим именем на дух не переносила. Но и смешивать его с грязью? Да с какой стати?! Только потому, что майору так захотелось?!

Мой проводник свернул в одну из дверей так резко, что я едва не проскочила мимо, а когда все-таки вписалась в рамку косяка, то оказалась в помещении, похожем на конференц-зал. Находившиеся в нем люди, при появлении начальства повскакивали с мест, и у меня сложилось впечатление, что в комнате стало резко не хватать воздуха. Нет, я, конечно, слышала, что боевые маги, обслуживающие щиты, славятся не только магическим даром, но и физической формой, потому что их работа требует и того, и того, но чтобы настолько...

Пожалуй, на фоне затянутых в темно-серую камуфляжную форму титановых статуй, несущих на себе земную твердь, хрупкая, хоть и довольно высокая блондинка вроде меня и впрямь смотрелась несколько... неуместно.

Что вовсе не давало этим самым статуям права обливать меня взглядами, полными насмешки и презрения.

– Принцесса пожаловала... – едва слышно хмыкнул кто-то, и я почувствовала, как мои губы сжимаются в тонкую ниточку.

Майор в свою очередь сделал вид, что ничего не услышал.

– Знакомьтесь, мисс Феррерс, порталный маг третьей категории, стажер. Мисс Феррерс, позвольте представить вам первое подразделение Портальной единицы №9. Капитан Фридрих Гоммельштайн, боевой маг первой категории, мой заместитель, ответственный за чрезвычайные ситуации. Лейтенант...

Лисовский говорил быстро. Очень быстро. Куда быстрее, чем нужно, и явно не для того, чтобы сэкономить нам всем время, а просто из вредности – в очевидной надежде, что я никого и ничего не запомню, и это потом создаст массу неловких ситуаций. Что ж, я не готова была утверждать с уверенностью, что запомнила всех, все же их было больше двадцати человек, а я феноменальной памятью не обладаю, увы! Но основные зарубочки сделала.

Главная зарубочка заключалась в том, что майору обязательно надо будет за время стажировки донести информацию о вреде предвзятого отношения к подчиненным.

– По закону вам как представительнице аристократического рода на время стажировки полагается личная охрана, – маленькие черные глазки господина майора сверлили меня, будто надеялись, что я не выдержу и испарюсь облачком.

Вообще-то это называлось не личная охрана, а индивидуальное сопровождение – потому что, как ни крути, представители древних родов продукт ценный, и редкий, и подлежащий усиленному контролю и учету. И смысл индивидуального сопровождения был не только в том, чтобы ограждать «деточку» от опасностей, но еще и в необходимости дать этой «деточке» углубленное понимание того, с чем она столкнется на стажировке, отвечать на вопросы, помогать разобраться. По сути, смысл был примерно тот же, с каким в Андервуде к аристократам в обязательном порядке приставляли тьюторов...

Но если господин майор желает приставить мне не тьютора, а охрану, так тому и быть. Я буду воплощением смирения, кротости и истинного аристократизма.

Один из бугаев, чьего имени я как раз не запомнила, в объемы которого можно было при должной сноровке упаковать три меня, шагнул вперед. Я смерила его взглядом с головы (коротко стриженная темная макушка, темно-карие, почти черные глаза, щетина как у бандита, челюсть как у супер-героя из фильма) до ног в тяжелых военных ботинках. И, в очередной раз проиграв борьбу с темпераментом (хотя будем честный, в этот раз я и не очень-то сражалась) припомнила слова майора и... сморщила нос.

– А никого другого нету? А то этот выглядит так, будто в первом же безлюдном месте убьет меня, чтобы снять с трупы серьги.

На лице «личной охраны» не дрогнул ни мускул. Майор, кажется, поперхнулся воздухом и теперь заново вспоминал технику правильного дыхания. Остальные хранили столь же гробовое молчание.

А что? По тому же закону, между прочим, я имела полное право потребовать разовой замены выделенного индивидуального сопровождения, и они все это прекрасно знали.

Лисовский справился с воздухом и обвел широким жестом замершее в неподвижности подразделение.

– Выбирайте.

Я в свою очередь тоже обвела аудиторию, только взглядом, оценивая задерживая его на каждом представителе подразделения. Зудело еще и покачать головой, поцокать языком и попросить встать и покружиться, но вот это уже точно было бы перегибом. И, закончив с осмотром, я вздохнула и снова посмотрела на вышедшего вперед.

– Ладно, в конце концов, сережки можно и дома оставить...

И без того деревянные физиономии задеревенели окончательно. А почти беззвучное и глубоко нецензурное слово на букву «с» мне почти наверняка слышалось.

– Лейтенант Маккой, – произнес Лисовский, разбивая хрустальную тишину. «Ивлин», – вспомнила я. Ивлин Маккой его называли при представлении. – Проведите мисс Феррерс экскурсию по точке, и загляните в медблок, получите необходимое. Тревор займется снаряжением...

– Напоить, накормить, спать уложить.

Этот комментарий сопровождался приглушенными похабными смешками. На этот раз шутника я вычислила и показательно проигнорировала. Потому что за меня вполне сносно гавкнул сам майор:

– Отставить идиотизм.

– Есть отставить идиотизм, – громогласно гаркнул рядовой.

Но несмотря на одергивание подчиненного, моей выходки майор просто так не оставил, а потому благожелательно просветил всех присутствующих:

– Итак, для тех, кто не в курсе, сообщаю. Мисс Феррерс здесь, потому что она искренне убеждена, что куда лучше полковника Арвенгейла знает, как следует организовывать стажировку потомственных магов, и теперь научит нас всех Родине служить. – Судя по лицам, в курсе были все, но Лисовскому важно было продемонстрировать мне официальную позицию «партии». – Ну и поскольку мисс Феррерс учить желает в поле, а не при штабе, мы сейчас отложим все дела и будем ждать, пока для мисс Феррерс подготовят пакет сопроводительных документов и пропуска в закрытую зону. До этого момента все, кроме Маккой, свободны. Коммуникаторы не снимать. Маккой приказ ясен?

– Так точно, сэр, – отчеканил лейтенант.

– Исполняй.

Камуфляжная глыба пришла в движение и, проходя мимо, бросила мне: «Идем».

Возражений у меня не имелось.

Нам дали покинуть конференц-зал вдвоем и даже отойти на безопасное расстояние – мы свернули за угол и только тогда я услышала издали скрип отодвигаемых стульев и топот двух десятков ног в тяжелых ботинках. Необъятная спина лейтенанта Маккой маячила перед носом, но в отличие от майора он шел так, чтобы не заставлять меня бежать следом в припрыжку.

А еще в отличие от майора – он молчал.

Ну и где обещанная мне экскурсия?!

Я крутила головой, но пока что видела только коридор без окон, выкрашенный зеленой краской. И, когда я уже вознамерилась открыть рот, и требовать обещанное, Ивлин Маккой вдруг чуть притормозил, чтобы мы поравнялись и заговорил первым:

– Ты что, действительно устроила полковнику скандал?

Какой-то подоплеки я в вопросе не услышала, пожалуй, он был действительно задан из чистого любопытства.

– Да, – я почему-то пожала плечами в жесте «а что такого?». – Он хотел отстранить меня от положенной по закону стажировки и мне это не понравилось.

Да, как-то не так я себе представляла отношения между магической аристократией и войсками...

– И что, действительно угрожала какими-то проверками и прочей лабудой? – интонация вопроса сменилась, теперь это было: «Предки, вот это идиотка!».

– Если я что-то понимаю в соблюдении закона, то тех, кто перед ним чист, проверками не напугаешь, – отрезала я.

Мой спутник глубокомысленно заткнулся. Но только на десяток шагов, чтобы потом неожиданно задать новый вопрос, который откровенно застал меня врасплох:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять, – я заинтересованно взглянула на новоявленного напарника, ожидая пояснений – зачем бы ему понадобился мой возраст?

– Тогда откуда этот юношеский идеализм? Знаешь, в жизни не все всегда происходит по инструкции. Иногда в ней случаются обстоятельства, не укладывающиеся в регламент.

– Я не идеалистка! – я полыхнула, как сухой порох, в который угодила искра. – Просто считаю, что каждый должен исполнять свои обязанности! И если уж ты сел задницей на теплую должность – будь добр ей соответствовать! И те самые мифические обстоятельства случаются куда реже обычного разгильдяйства! А если я что в жизни и ненавижу больше, чем сюсюкающие интонации и намеки на мою инфантильность и беспомощность, так это пренебрежение должностными обязанностями!

Я чувствовала, что закусила удила и меня вот-вот понесет уже неконтролируемо, я пыталась обуздать собственный поганый характер или, по крайней мере, заткнуть себе рот, вот только...

– Твою мать, – с обреченным видом ругнулся офицер. – Слушай, а тебе в твоём белом пальто не жарко? Вы посмотрите на неё – первый день как явилась, и уже экспертные заключения выдает! Полковник Арвенгейл занимаемой должности не соответствует! А тебе в голову не приходило, кукла, что это ТЫ занимаемой должности не соответствуешь? Полковник – мужик жесткий, у него здесь полный порядок, и за те семь лет, что он руководит Риталийским Щитом, здесь ни одного ЧП не было. Тебе, сопля зеленая, не залетала в башку твою мысль, что тебя просто не хотят допускать до комплекса, от которого зависит безопасность огромного региона!

Откровенность за откровенность, да?

Мы даже волей-неволей остановились, где стояли, настолько увлеклись диалогом.

– То есть вы, лейтенант Маккой, и полковник Арвенгейл сомневаетесь в уровне моей подготовки, и предъявленный мной диплом, вместе с рекомендательными письмами, отзывами из университета и с мест трех предыдущих практик, а также заключения, внесенные в личное дело, вас не убедили, да? И поэтому меня не хотели допускать до стажировки? – участливо, заботливо уточнила я и вдруг рявкнула: – А как вы объясните, что никто из тех, кто проходил здесь стажировку до меня, тоже до реальной практики допущен не был?

Маккой скривился – орала я ему почти в лицо, а голос у меня поставленный, и кто бы на его месте не скривился в таких условиях?

– А что тут объяснять? – неприкрыто удивился оппонент. – Вас же всех в коконе из ваты держат, реальной жизни вы не нюхали, но воображаете при этом себя чуть ли не спасателями мира, когда до службы снисходите. Пустите вас к Щитам – вы ж на жопе ровно не усидите! Вы

ж полезете улучшать! Усовершенствовать! Исправлять ошибки сирых и убогих, ага! Знаешь, к каким последствиям это приведет?

Офицер Маккой орать тоже отлично умел, и куда уж там было моим вокальным упражнениям до его луженой глотки!

– К каким? – я слегка опешила от такого напора, Предки их всех побери, но это было интересно, на редкость познавательно все это было!

Особенно – в свете моих планов.

И, да, всё, высказанное лейтенантом, было нереально обидно. Да и орали на меня до сих пор как-то редко, если вообще и. Интересное ощущение, прям новизна чувств!

– Ни к каким! – рявкнул он. – Ценой огромный усилий со стороны личного состава части, ни к каким серьезным последствиям это бы не привело! Правда, всех пару-тройку суток лихорадило бы, но кого волнуют такие пустяки, если очередному аристократу, так и не выросшему из восемнадцатилетнего младенца, корона жить спокойно не дает, и хочется поиграть в мудрого всезнайку! Упиваешься тут собственной правильностью, а реальной жизни в глаза не видела!

Я стиснула зубы.

Стоп, Аманда. Молчать.

Молчи, Аманда. Потому что ты не младенец. И ты владеешь своими эмоциями, а не они владеют тобой. Поэтому – стисни зубы и перемолчи.

Я подавила желание закрыть глаза, или вдохнуть-выдохнуть, или еще как-то проявить свою внутреннюю борьбу. Даже позу сменить себе не позволила.

И только когда тишина зазвенела в барабанных перепонках нестерпимее, чем недавние крики, позволила себе сказать, тщательно следя за тем, чтобы голос звучал спокойно и сдержанно:

– Лейтенант, если вы пытались отговорить меня подавать жалобу на руководство части, то вы не преуспели. Как только мы вернемся из первой смены на Щите, я оповещу все заинтересованные органы об имеющих место нарушениях. Потому что, чтобы вы ни говорили, лейтенант, это – правильно.

– «Правильно!» – передразнил меня Маккой. – Мисс Феррерс, вы вообще в курсе, что мир не черно-белый? Или вас всю жизнь в инкубаторе держали?

– Ага, в нем, – поддакнула я, разглядывая неведомую даль. – До сих пор не выпустили. Оглянитесь по сторонам – в кустах выводок нянек притаился. Сопли подтирать будут.

Кустов в обозримой видимости не наблюдалось (зато я наконец заметила, что из зеленого коридора, а с ним и основного здания мы вышли) так что Маккой оглядываться не стал, а зло зыркнул на меня и заткнулся.

Я тоже не спешила возобновлять светскую беседу, рассеянно озираясь и призывая к порядку застарелые комплексы.

Сегодняшний день к ним был немилосерден: сперва по ним потоптался полковник, со своим стремлением обеспечить дочери лорда Феррерса полную безопасность, а теперь оттанцевал чечетку Маккой, недвусмысленно дав понять, что считает оную дочь редкой бесполезности вещицей.

Восемнадцатилетие я встретила под знаком презрения к себе.

Всё, что у меня было, все мои заслуги и достижения не были моими – за всеми маячил призрак рода.

Всё, чего я добилась сама – при детальном рассмотрении оказывалось не моей заслугой.

И осознание этого корежило меня и ломало.

Сама поступила в Андервуд? Да помилуйте, кто бы не поступил, имея такую подготовку, как я?! Наставники, занимавшиеся со мной чуть ли не с рождения, задайся они такой целью,

наверное, и обезьяну сумели бы натаскать на уровне, достаточном для сдачи вступительных экзаменов.

Была одной из лучших студенток на потоке? А разве это сложно? Я ведь никогда не прилагала особых усилий к учебе, не надрывалась, с боем прогрызаясь сквозь гранит науки, не просиживала часами в библиотеке, не пробивала лбом неподатливые стены. Милостью щедрой генетики и состоятельной семьи, у меня была отличная память и устойчивая база начальных знаний, на которую новая информация ложилась легко и гладко.

Изучение и обуздание собственного дара грамотный тьютор, предоставленный мне в Андервуде, сумела превратить в увлекательную и захватывающую игру. Она ставила задачи – и я азартно брала новые барьеры.

И даже редкий порталный дар, дар, живых носителей которого нынче насчитывалась менее десятка в мире – никак не был моим личным достижением.

Дар, как и высокий статус, как и хорошая память, как и уважение окружающих, достался мне в наследство от предков.

В конце школьного курса я сдала все тесты на высший бал, и получила знак лучшего ученика выпуска – и отчаянно завидовала Джулии Гордон, которая была второй.

Не имея ни громких имен в предках, которые бы обеспечили ее выдающейся силой и талантом, ни состоятельных родителей, способных дать дочери преимущество на старте, она, тем не менее, шла со мной ноздря в ноздря.

Она своими силами добилась всего того же, что и я – сама выгрызая всё, что мне было поднесено на блюдечке с голубой каемочкой.

А я, принимая из рук комиссии почетную ленту, испытывала острое чувство собственной бесполезности.

Фальшивка. Пустышка.

Когда я окончила Андервуд и поступала в университет, конкурс был огромным – более тридцати учебных заведений на одного порталного мага Аманду Феррерс. Меня засыпали предложениями еще до сдачи школьных выпускных экзаменов.

Когда поступала Джулия Гордон, она стала первой из более чем ста претендентов на стипендию.

Потом, со временем, эти комплексы удалось задавить.

Просто в какой-то момент в разговоре с мамой они подняли свою змеиную голову – и тогда она задала один простой вопрос: каким я вижу свое отношение с наследием предков? Чего я хочу от себя в этих отношениях – сохранить, или приумножить?

И все стало на свои места.

Потому что, для того чтобы сохранить то, что досталось мне по наследству – мне достаточно было просто быть честным человеком, достойно исполнять доставшийся мне долг. А для того, чтобы приумножить – я исходно выбрала не подходящую стезю.

И я разрешила себе быть не выдающейся. Обычной. И смирилась с этим.

Я обращалась со своим наследием бережно. Я прилагала все усилия, чтобы отшлифовать и не разбазарить – и простила себя за то, что никогда не добилась ничего сама.

Разрешила себе любить себя такой.

Но сегодня зерна упали в благодатную почву, и старые комплексы вновь проснулись.

И, по сути, именно из-за них, старых, добрых и почти изжитых, сегодня уже второй раз прилетело Ивлину Маккою.

При воспоминании о первом разе мне следовало бы покраснеть, но я только самодовольно ухмыльнулась – на мой взгляд, безобразная сцена удалась мне на славу.

Безобразные сцены всегда мне отлично удавались!

Конечно, не слишком-то это умно – на ровном месте ссориться с человеком, который будет отвечать за твою безопасность в ближайший год, но...

Я мечтательно сощурилась, вспоминая представление с выбором сопровождающего, и твердо решила – извиняться не буду!

В конце концов, не такая уж опасность грозит мне в ближайший год!

Глава 2. Стажеры и вояки

Ив

Стиснув зубы, я пытался понять, какого черта вообще закусился с этой девицей.

Ну, не было у нее ни мозгов, ни опыта, чтобы отсутствие мозгов компенсировать – и что мне-то с того?

Ну, хочется ей «настоящей службы», военной романтики – пожалуйста! Разочек перемигнуться с парнями на щитовой станции – они ей этой романтики полные штаны обеспечат! Чтобы не скучала и с пользой проводила время.

Так нет же!

Лейтенант Ивлин Маккой сегодня в ударе! Он желает вести просветительскую деятельность и наставлять цвет аристократии на путь истинный!

Придурок.

Остро хотелось сплюнуть.

Какая тебе разница, Ив?

Ну, настроит она пару жалоб выше по инстанции.

Ну, вставят Арвенгейлу фитиль за то, что фальсифицировал отчеты по стажировкам «золотых детишек» (хотя какие они, чтоб им пусто было, детишки? Сплошь здоровые лбы, вот и этой четвертак оказался – а ведь по ухоженной мордашке не скажешь), ну и что?

Мне какое дело?

Наоборот, мне бы радоваться – меня же капитанского звания лишили именно из-за того, что наш полковник в попу целовал избалованных мальчиков-девочек.

Так нет же!

Мне справедливости, мать ее, подавай!

Мне непременно надо дуре доказать, что она – дура!

Сам дурак, одним словом.

Ладно, поорали друг на друга, пар выпустили – это дело сплошь полезное! И будет. Теперь делом надо заняться.

Что у нас там? Экскурсия? До вечера мы все равно не выступим, а до утра Лисовский дожидаться не будет. Значит, пойдем скорее всего в ночь. Значит, спальное место ей сейчас ни к чему, а план самой Опорной точки посмотрит на любом эвакуационном, а больше ей тут ничего пока и не надо – пусть лучше сидит и ничего не трогает, а я, как и было приказано, загляну в медблок. Если девица у нас задержится (не дай бог!) то освоится, когда вернемся со смены.

Таскать блондинку за собой как твякающую болонку не хотелось, в то, что она будет с таким шилом в заднице сидеть на месте ровно не верилось, я огляделся, и в голову таки пришла гениальная идея.

– Феррерс, во-о-он то здание видишь? Это столовая. Обойдешь – там за углом вход. По расписанию, обед будет минут через сорок, но для гражданских специалистов обычно делают исключение, если попросишь – тебя накормят. Телефон есть?

Блондинка молча выудила гаджет из кармана джинсов. Я выхватил у нее невесомый прямоугольник в нарядном серебристом пластике и быстро вбил в память свои данные.

– Пока тебе коммуникатор не выдали, вот. Если что, я на связи. Поешь и никуда пока не уходи, – посчитав на этом свою миссию по защите и опеке исполненной, я козырнул и отбыл.

Посмотрим, такая ли она умная, какой себя считает.

В медблоке было незаперто – значит, док на месте.

Символически постучав, я толкнул дверь и вошел:

– Привет, Джен!

Доктор крутнулась в кресле в мою сторону:

– Давно не виделись! Чего тебе? – несмотря на приветливую улыбку, тон у военврача был сложный.

Надо признать, заходя сюда я всякий раз отмечал, что на фоне стерильно-белого кабинета стройная шатенка в белом халате смотрелась отлично, и после моего развода у нас с ней кое-что было, но толком ничего так и не вышло – а на память осталась взаимная симпатия, сожаление о неслучившемся и вот эта легкая неловкость.

По крайней мере, с моей стороны – так уж точно.

– Слушай, у тебя не найдется лишней походной аптечки? Мало ли! Случайно! Очень нужно! – поинтересовался я, присаживаясь на стул для посетителей, и постарался улыбнуться как можно обаятельней.

– «Лишнего», Ив, у меня нет никогда и ничего! – назидательно отрезала доктор, глядя на меня снизу-вверх, но каким-то чудесным образом сверху-вниз.

– На этот раз, очень надо! Поверь, майор поймет и простит и даже премию выпишет за бурундучизм, то есть запасливость!

Строгий взгляд сделался заинтересованным:

– Ну-ка, и зачем тебе это «очень надо»?

Вопрос был закономерный, да я и не против был поделиться с доком новостями, от которых гудело сейчас все первое подразделение.

– У нас таки стажерка и меня назначили ее нянчить...

Джен присвистнула, и я только развел руками.

На мой взгляд, вся эта ситуация была один непрекращающийся фейспалм, и все её участницы уверенными темпами штурмовали вершины неадекватности – один я, вменяемый, в центре стоял и офигевал.

Джен молча встала к сейфу, позвенела ключами, порылась в металлических недрах, и выложила передо мной широкую ленту, прошитую карманчиками и свернутую в рулон.

– Держи! Вообще-то на спецсредства по стажерке приказ должен быть, но я так полагаю приказ задним числом выпишут? Так, ты главное смотри шприц-тюбики с красной точкой вырубают, с белой полоской – успокаивают. Не перепутай, что ей, что тебе!

Еще одна...

Новость, очевидно, произвела на Джен сильное впечатление.

Это еще что! А какое впечатление она на меня произвела – м-м-м!

Я-то, дурак, надеялся, что к стажерам меня не приставят еще долго. В идеале – никогда.

Я сунул походную магическую аптечку во внутренний карман.

– Спасибо! – Магия с ними, с шуточками, поступок я оценил.

Джен была дамой строгой и, как правило, к ней даже умирающие являлись с бумажкой с тремя подписями и печатями, что помощь им по уставу положена. Утрирую, конечно, но приказ она затребовать имела полное право.

– Слушай, всяких стажерок-девиц обычно Тревор же выгуливает? За что тебя-то поставили?

– Воспитывают, – уныло отозвался я и, поймав жалостливый взгляд доктора, пояснил: – Да не меня! Мадам желает реальной службы. Чтоб вот прям реальной! Арвенгейл пытался было ее вразумить, так нет, ей будто ракетным топливом под хвост плеснули, говорят, вопила у него в кабинете так, что стекла звенели. Теперь ждем отправки на девятую щитовую. Так что должен был бы нянчиться Тревор, а буду – я.

Джен пыталась изобразить сочувствие, но выходило у нее так себе: глаза смеялись, выдавая хозяйку с потрохами.

– А как она тебе в целом? – спросила Джен. Щелкнул чайник, возвещая, что добросовестно вскипятит воду. – Чай будешь?

– Нет, спасибо, мне к подопечной возвращаться надо, – с сожалением отказался я и вернулся к предыдущему вопросу: – Пока не разобрался. Но по первому впечатлению – геморрой. В башке пафос, инструкции и завышенная самооценка – а нашлось ли там место для мозгов, пока не очень ясно... Идеализм, долг и гражданская ответственность прут изо всех щелей.

– Что ж, по крайней мере, она не лицемерит, хотя бы в части «долг и ответственность» раз уж не дала полковнику засунуть себя в штаб, – пожал плечами Джен, готовя себе чай.

– Ты говоришь так, будто всё услышанное тебе чрезвычайно нравится, – проворчал я, чувствуя себя вечно всем недовольным старым дедом, но все же не желая смириться с симпатией Джен к новенькой. Это пресловутая женская солидарность, что ли? – Если пафоса у нее больше, чем мозгов, то нас всех ждут очень непростые времена – потому что она специализируется по порталам и должна быть допущена к самому сердцу комплекса. И если она там накосячит...

– То это будут не твои проблемы. Не нагнетай, Маккой, – сочувственно улыбнулась Джен. – Не она первая, не она последняя – справлялись же как-то со стажерами раньше, до тех пор, пока полковник Арвенгейл ввел свою практику – и с этой справятся. И раз уж о ней теперь знают, что она рвется к реальной работе, то будут внимательно контролировать ее энтузиазм!

Нет, это звучало вполне разумно, но так просто уступать свои позиции я не хотел.

– Помяни мое слово, хлебом мы еще с ней!.. Ну почему я?!

Сакраментальный и самый главный вопрос всё же вырвался – почти против воли.

– Приставили бы к ней Тревора, как и планировали – он обаяшка, его такие цыпы любят!

А еще он имеет всё, что шевелится – и тем самым здорово снижает прочую активность вверенных его попечению девиц...

– Может, полковник рассчитывает, что две его проблемы взаимно аннигилируются? – хохотнула Джен и вкрадчиво уточнила: – Ив, а она симпатичная?

От неожиданности я поднял голову – доктор разглядывала меня с лукавой улыбкой.

Задумчиво почесав бровь, я воскресил мысленно образ моей головной боли на ближайшую смену как минимум. Блондинка, волосы чуть выются, личико миленькое, глаза на нем голубые, ресницы длинные, пушистые, но с этими девицами не разберешь, свои или нет. Фигура хороша, ноги, обтянутые синими джинсами, так вообще бесконечные... аристократка как аристократка. Образцовая, я бы сказал. Так что я честно, но неохотно признал:

– Да ничего так...

– Тебе в дополнение к аптечке ничего не надо? – заботливо поинтересовалась док. И деловито уточнила: – Контрацептивы выдать?

– За кого ты меня принимаешь, Джен?! – я даже встал с обжитого стула.

Мое возмущение было почти искренним.

Не то чтобы я никогда и ни-ни, и стажеркину заднюю часть вполне оценил – но стрелять у бывшей любовницы контрацептивы для возможной будущей?!

– Я что, похож на Тревора?

– Нет! Ты похож на серьезного и ответственного мальчика! У тебя свои! – хмыкнула Джен и отсалютовала мне чайной чашкой.

Взглядом сообщив ей дие всё, что о ней думаю, я покинул стерильную докторскую обитель и лишь за дверями медотсека ухмыльнулся.

Зачем мне эти их контрацептивы, когда магия всегда со мной?

Передовые достижения магической мысли стоят на страже здоровья нации!

Мэнди

Мой отважный страж меня покинул. Я проводила его взглядом, посмотрела в сторону столовой и осталась стоять, где стояла. Если обед через сорок минут, то уж я вполне способна подождать, пока будут кормить всех, а не мисс Феррерс персонально. Вон лавочка есть, посижу, погреюсь на солнышке, подумаю о вечном.

Например, о том, что полковник Арвенгейл – мстительный и мелочный тип.

Но, увы, недалекий.

Он что, думал, что, приставив ко мне это хамло, заставит меня передумать, и запроситься обратно, в штаб?

Не дождется.

Мы, Аманда Феррерс – барышня приличная, и крайне разборчивы в связях. В том числе – и с общественностью. И всем будет лучше, если меня в эти связи не будут впутывать.

Девушка я резкая, и на поворотах меня порой заносит – и хотя собой я владею в общем-то неплохо, но порой... Словом, пресс-секретарь – не моя должность. Просто – не моя.

Зато, исходя из предложения поработать в пресс-службе, можно сделать кое-какие выводы.

Полковника подвело мое личное дело.

По большому счету, информация обо мне делится на ту, которую в это личное дело не включили ввиду секретности, и на ту, которую не включили ввиду незначительности.

Так что, о том, что я не просто порталый маг, а именно природный он не знал – эти сведения пока что засекречены, а для выполнения стажерских обязанностей при Щите достаточно и того, что я дипломированный специалист.

О том, что при моем подвижном и энергичном характере, на сидячей работе я взвою и полезу на стену, полковнику и вовсе знать было неуткуда.

Злые языки утверждали, что дело не в характере, а в шиле, засевшем в одном месте – не будем говорить, чьи это языки, но это мои родители. Даже если бы я ехала сюда с намерением валять дурака, бить баклуши и всячески отлынивать от выполнения магического долга, то лучшего способа пробудить во мне трудовой энтузиазм полковнику придумать не удалось бы. И с того момента, как передо мной замаячил бы призрак должности помощника по связям с общественностью, единственным моим желанием стало бы попасть на щитовую любым способом, хоть пешком, хоть бегом, но немедленно, вот прямо сразу же, приступить там к отдаче долга Родине – как бы она ни сопротивлялась.

А, что там говорить – недостаточная информированность и не такие операции проваливала. Ничего, вот пороются в моей жизни, накопят сведений, и поймут, какого дурака сваяли.

А может, уже поняли...

Тут я вспомнила своего офицера-защитника, и ухмыльнулась – нет, точно не поняли!

Может быть, во мне играла паранойя, но по ощущениям Маккоя мне выдали не просто так. И назначение это для него самого стало сюрпризом. Судя по скандалу спустя первую пару реплик, характер у лейтенанта был далеко не сахарный, не такому возиться с тем, что тут принято считать «избалованными деточками»...

В общем и целом, если отбросить некоторые мелочи, он мне даже нравился.

Он хорошо отреагировал на мои колкости при знакомстве – никак, по большому счету. Ему плевать, как там упражняется в остроумии его подопечная, что там она из себя изобразить пытается.

Его это не волнует.

Нормальный мужик, серьезный, уравновешенный и... как бы это сказать?

Болеющий за дело, вот.

Относится ко мне предвзято – это само собой, после того, какую тут репутацию потомственным аристократам мои предшественники создали.

Но он переживает не о том, что я могу доставить жизненные неудобства лично ему (и доставлю, к гадалке не ходи) – мой сопровождающий переживал о том, что я могу навредить личному составу части и Щиту.

Вот это – важно.

А кислая рожа, предвзятость и брюзжание – ничего, можно пережить.

Если честно, я рассчитывала, что ко мне приставят опытного и внушающего уважение капрала в годах, из тех, которые и сами бегать уже не любят в силу возраста (все равно особых угроз ценному аристократическому телу на рядовой стажировке не предвидится), и подопечной особо шустрить не дадут, зато способны и подсказать, и научить, и вовремя воздействовать словом, если понадобится – то и крепким солдатским.

Из подобных получают отличные пестуны для новичков вроде меня, и с таким за спиной я бы, пожалуй, чувствовала себя гораздо спокойнее...

Но, если уж на то пошло, то и этот сойдет.

Размышляя подобным образом обо всем сразу и толком ни о чем, я попутно рылась в телефоне, пытаюсь отыскать лейтенантский контакт, и отредактировать его так, как мне нравилось – мой провожатый вряд ли заполнил так, как я люблю...

Контакт не находился.

Первым делом я проверила букву «м» – Маккоев в моем телефоне не добавилось.

Лейтенантов, и Ивлинов, и даже Ивов, впрочем, тоже.

Хм...

Я перелистнула справочник на начало.

Номеров, сиротливо светящих голыми цифрами без имен, тоже не появилось.

Если исключить, что лейтенант мог подписать свой номер как-нибудь вроде «твой сладкий пупсик», или вовсе не записать – что у нас остается?

Мое логическое и дедуктивное мышление зависло.

– Добрый день!

Внезапно раздавшийся над ухом голос выдернул меня из перебора разного рода маловероятных вариантов.

– Что? Сопроводительные документы уже готовы? – я поднялась со скамейки, готовая следовать за проводником, но мои планы быстро развеяли.

– Никак нет! Мне было велено сопровождать вас на склад, получить снаряжение и обмундирование, – улыбнулся блондин в лейтенантской форме и сгреб мою руку для поцелуя. – Позвольте представиться – Эрик Тревор!

Ослепительная улыбка офицера и его блестящие манеры произвели на меня неизгладимое впечатление: поцелованную руку захотелось вытереть, а в синеглазого блондина – разрядить родовой защитный артефакт.

Не насмерть, исключительно в предупредительных целях.

– Нам туда! – указал направление к складским помещениям мой новый провожатый, и бархатный голос проехался по нервам.

Всю дорогу к складу Эрик Тревор заливался соловьем, а я размышляла о вечном: почему некоторые мужики смотрят, а некоторые – обшаривают взглядом, сколько лишних зубов у лейтенанта Тревора, если он так ими скалится, где шляется лейтенант Маккой, когда вверенное его попечению тело практически раскладывают на плацу, и сколько способов бесследной утилизации трупа с помощью магии я помню.

Последнее, кстати, помогало лучше всего: этот способ умирять семейный темперамент мне подсказала еще школьный тьютор, и он, в отличие многих других техник самоуспокоения, сбоек пока не давал.

Вот ничего вроде бы мужик мне не сделал, а я уже семь надежных способов избавиться от тела вспомнила...

А в складе обнаружился он.

Мужчина моей мечты – с безупречной выправкой и седыми висками, с капральскими нашивками и лисьим взглядом.

Именно о такого я хотела видеть в роли сопровождающего.

В моих мечтах взгляд, правда, был мудрым и терпеливым, но что поделать. Сегодняшний день наглядно продемонстрировал мне – девушка не всегда получает то, чего хочет.

– Миранда Феррерс?

Очарование благородной седины и воинской выправки растаяло.

– Аманда, – вежливо поправила я капрала.

Он задумчиво пошелестел бумагами и хмыкнул:

– У меня в документах указана Миранда.

– А у меня – Аманда, – развела я руками: мол, ничем не могу помочь, уважаемый, и документы менять не побегу, лучше уж вы как-нибудь.

– Минуточку!

Завхоз повернулся к телефону, и я согласно кивнула:

– Выясняйте, – а сама принялась разглядывать склад.

На блондина я не смотрела принципиально: и так всей шкурой чувствовала, что задницу взглядом он мне облизал практически.

«Это еще ничего не значит, Мэнди,» – строго сказала я себе. – «Ну, подумаешь – кобель... Может, он товарищ отличный и специалист высококласный!»

Увы. Приязни не добавлялось.

Товарищами нам не быть, по масленой роже видно, а откровенный взгляд в моей системе ценностей, видимо, всё же перевешивал гипотетическую профессиональную ценность.

По крайней мере, пока упирался в мое сиденье.

– Мисс Феррерс, подойдите, – позвал меня завхоз, и я оторвалась от созерцания удивительно увлекательного зрелища – стеллажей, заваленных обмундированием.

– Разобрались?

– Разобрался, – кивнул капрал, – Начнем с вещевого обеспечения. Форма повседневная, форма полевая, комплект нательного белья, обувь, ремень...

Окинув меня цепким взглядом единожды, он больше не оглядывался, уверенно выхватывая с полок и в мгновение ока передо мной уже было сложено горой нужное.

– Переодеваться будем? – строго спросил капрал.

Я кивнула:

– Конечно. Как только лейтенант Тревор покинет склад.

Не то, чтобы я стеснялась – мне особо нечего. Белье у меня спортивное, сугубо практичное и удобное – я не дура, шелк и кружево в армию тащить, но добровольно при Треворе раздеваться я не буду.

Разве что, если ему при мне вкатят порцию брома.

Лейтенант вышел с понимающей улыбочкой-ухмылочкой.

Как с ним женщины-то служат?!

Я молча расстегнула джинсы, стянула футболку.

Форма села не то, чтобы отлично – когда и на кого отлично садился армейский серийный пошив? Это вам не модный костюмчик на заказ.

Но она не тянула, не жала, а в тех местах, где болталось и хлябало, капрал великодушно помог и показал, как отрегулировать по себе. Мои личные вещи сложили в мешок и опечатали.

– Вы гражданский специалист, так что ваши личные вещи не отправятся домой, к вашей семье, а они останутся здесь, в части. Их перешлют в отведенную вам служебную комнату, и

когда вы вернетесь, сможете носить гражданское, покидая территорию части, – пояснил старик то, что очевидно, говорил уже за свою службу не раз. – Но пока вы находитесь на щитовой – только форма, повседневная или полевая.

Я кивнула, завязала шнурки, и только сейчас вдруг в полной мере осознала – я в армии.

Я в армии, в действующей части, и это не экскурсия и не развлекательная поездка, я здесь надолго, на год как минимум, и сейчас мне выдадут нашивки «гражданский специалист», четко определяющие мое место и положение здесь.

И это... это было странно. Вот странно.

Как будто ты всегда что-то знала, но осознала – сейчас.

– Позвольте дать вам совет, мисс Феррерс. Выбросите из головы всю эту ерунду со стеснительностью. Вы в армии, и здесь ни у кого не будет желания, да и возможности, считаться с вашей скромностью. И относитесь к этому проще.

Я только хмыкнула в ответ на эту непрошеную рекомендацию.

Без советчиков, пожалуй, разберусь, перед кем можно раздеваться до трусов, а кто высокого зрелища не заслуживает.

Плохо себя вел потому что!

– Ну-с, с вещами и гигиеническими принадлежностями покончили, переходим к магической экипировке. Служебное оружие гражданским специалистам не предоставляется, зато вам, согласно занимаемой должности, положены служебные артефакты, а также накопители, информационные кристаллы и прочий инвентарь артефактного характера. Имейте в виду, что все это является предметами строгой отчетности, и подлежат сдаче по описи в конце прохождения службы. Использование чего-либо из этого перечня должно быть оформлено отчетом по соответствующей форме, обосновывающим необходимость таких действий. Вам всё понятно?

Я кивнула.

– Тогда принимайте. Защитные артефакты для нательного ношения, три штуки.

Три кругляша характерного вида и магического фона легли передо мной на стол.

– Маяк подкожный, разового применения, одна штука. Артефакт защитного периметра, два штуки, основной и дублирующий. Энергетические накопители повышенной емкости, семь штук. Информационные накопители, пол сотни...

Рядом с характерным патроном маяка постепенно выстраивались контейнеры и коробки, на которые я смотрела, чувствуя, что мои брови вот-вот полезут на лоб.

Он что, серьезно собирается вот это мне выдать?

Капрал скучным голосом оглашал перечень положенной порталному магу, пусть даже и стажеру, магической поддержки, и я постепенно уверялась, что да – серьезно.

– Мисс Феррерс, пересчитайте выданный вам магический инвентарь, и распишитесь в ведомости о получении.

– Скажите, вы получили распоряжение сверху, выдать мне это все, или это была ваша личная инициатива?

– Что? – впечатал в меня взгляд капрал.

Я протянула руку, и взяла со стола один из кругляшей.

– Артефакт защитный индивидуальный «Панцирь-Р7», нательный, накопительного типа, способен выдерживать воздействие до седьмого уровня включительно – в зависимости от характера и особенностей воздействия. Используется в армии по сей день, но в частях особого назначения с вооружения снят. – Я вернула бляху на место. – Артефакт защиты периметра «Левада». Не поставляется в войска ввиду морального устаревания, – я подтолкнула пальцем указанный девайс. – В свое время был хорош, но уже давно существуют разработки эффективнее, у которых и защитный порог выше, и продолжительность действия дольше. И куда более легкие. В текущий момент в Рейталии на вооружение приняты «Эгида» и «Ларец» для войск

общего назначения, и «Кокон» для частей особого назначения – около пяти граммов веса на изделие.

Пластиковые контейнеры с накопителями магической энергии выглядели так, как и должны – две плоские коробки размером с ладонь, шесть гнезд в каждой. Я пригляделась к маркировке. Так и есть.

– Накопители Эф-50/17. Выведены из употребления в частях, подлежащих снабжению в приоритетном порядке, и заменены на сотки, – я бросила коробку обратно на стойку завхоза. – Все части, задействованные в поддержании системы «Щит», по умолчанию считаются подлежащими снабжению в приоритетном порядке.

В висках предупреждающе стукнуло. Состояние было такое, при котором пересчитывание методов разделявания трупов уже не помогает.

Когда голова нехорошо пустеет, а руки наливаются огнем и силой – уже не до аутотренинга.

Проверять остальное смысла не было – об информационных кристаллах я знала не так уж много. Пользоваться, конечно, умела – но сходу определить, барахло мне подсунули или дельную вещь, не смогла бы. Равно как и вспомнить, что именно у нас нынче использует родная рейталийская армия.

Это вам не защиты самого разного рода и толка, которые у нас дома запросто могли обсуждать за завтраком всем семейством, некоторые – из увлеченности профессией, а остальные члены семьи – потому что, а куда деваться.

Эх, мама-мама, знала бы ты, в какой ситуации пригодится мне твоя страстная влюбленность в работу...

Показать ему, что ли, почему в «Панцирь-Р7» в спецподразделениях давным-давно заменили на «Ковчег-эс-прим»?

Заодно и выясню, какую защиту использует сам капрал.

Если выживет – значит, у него «Ковчег», а если на месте завхоза останется обугленный труп – значит, «Панцирь»...

Образ мужчины мечты рушился на глазах.

С трудом отказавшись от привлекательных, но, увы, неосуществимых мыслей, я обвела взглядом стойку с экипировкой.

– Вы не представились, капрал. Назовите ваше имя.

Я потянула к себе ведомость, в которой полагалось расписаться в получении, и усмехнулась: маркировка спецсредств отсутствовала. Голый перечень наличия.

Голос был показательно-равнодушным. Скучающим.

Только звенящая легкость из головы никуда не делась.

Бешенство, первостатейное, высокопробное, металось во мне и требовало выхода.

Нашли себе девочку для битья!

– Капрал Бойл Ровен, мисс Феррерс, – спокойно отозвался он.

– Вы не ответили на мой вопрос. Это, – я кивнула подбородком на развал, чувствуя, как меня распирает от ярости, – ваша инициатива, или вам было приказано? – и ощерилась в подобии улыбки. – Я должна знать, что указать в рапорте!

Кaprал чуть усмехнулся, покачал головой.

Сколько-нибудь встревоженным моим заявлением он не выглядел. Развернулся, отошел в угол, где стоял стол, щелкнул чайником.

– Чай будешь?

Я молчала.

Это было лучшее, что я могла сейчас сделать.

Капрал Ровен дождался, пока вода закипит, бросил пакетики с заваркой в две кружки, залил их кипятком. Сдвинул в сторону куртку полевой формы. Поставил на освободившееся место кружки, сахар – почему-то в заварочном чайнике, с торчащей из него ложкой.

Кивнул в дальний угол:

– Возьми вон там табурет. Поговорим.

Я молча села перед ним.

Он усмехнулся и подвинул ко мне кружку:

– Ты пей, пей. И сахар клади – знаю я, как вас огненных магов, после спонтанного всплеска силы на углеводы пробирает. Как же тебя с таким даром угораздило в порталные маги податься, а не в боевики?

– Призвание, – буркнула я, и потянула на себя кружку.

Сахар брать не стала – не было у меня спонтанного всплеска силы, у меня вообще их не бывает, устойчивый самоконтроль, семь баллов из семи возможных по Пакгауэн. Так, просто уплотнение магического поля в результате кровожадных мыслей.

Но чай все же пригубила – принимая его предложение мирных переговоров, ну и еще чтобы старик не думал, будто я боюсь, что он меня отравит.

Бояться-то не боюсь, но заклинание анализа жидких сред тем не менее запустила непроизвольно...

– Вот что. Всё, что тебе положено – я тебе выдам. Но ты, дочка, всё что себе надумала – из головы выбрось, – заговорил капрал после задумчивой паузы.

Я сосредоточенно болтала ложкой в чае, в котором нечего было размешивать.

– Знаешь, сколько новобранцев на обслуживание порталов к нам присылают? Не таких, как ты, конечно, попроще. Обычные маги, бывает, и потомственные, но не родовая аристократия. Каждые два-три месяца. Экипировать я их обязан так же, как штатных магов щитовой. Из них толковыми, такими, что можно оставить, оказываются один-два на десяток, а остальные... Так, перевод обмундирования. Хрен бы с ними, с тряпками, их не жалко, а вот магические спецсредства... Пользоваться ими толком не умеют, потому как молодо-зелено, расходуют на всякую дурость, а эти вещи, между прочим, жизни должны спасать. Маги-то поумней и поопытней над каждой цацкой трясутся. Так что да. Стажерам и новобранцам на первую смену выдаю старье.

Я поняливо кивнула.

– Старье выдаете, списываете нормальное, излишки налево...

– Бывает, – спокойно согласился капрал. – Бывает, что и налево. Только редко. Все больше мужикам выдаю. Потому что положенные по уставу двенадцать накопителей при первом же форс-мажоре выжираются в ноль. Вот тогда запас и спасает.

– За счет одних, выходит, других спасаете? – кривовато усмехнулась я.

Капрал только головой покачал.

– Знаешь, сколько раз ты к Щиту будешь допущена за первый месяц? Два – если хорошо себя проявишь. Если очень хорошо – то четыре. А знаешь, сколько раз через портал будет ходить дежурный порталный маг? Не меньше десяти. Это если смена благополучная выдастся, а если не очень – то и двадцать-тридцать бывало наматывали. Плюс к этому – твои четыре, когда тебя будут страховать. Ты же не думаешь, что тебя, зеленую как травка, без опеки пустят в портал? Вот. А спецсредств я выдать обязан одинаково, что тебе, что ему. Вот и сама посуди, дочка, кому из вас защита нужнее. Ты девочка умная, ты поймешь.

И добавил:

– Думаешь, хоть один из новобранцев за все годы моей службы задал мне те же вопросы, что и ты? Да как же. Не знают толком ничего. И мало того, что не знают – так еще и не интересуются! А ведь они не как ты сюда являются – годик отбыть, и всё, домой, на гражданку. Они служить сюда приезжают!

Я отхлебнула чая, упорно и молча рассматривая стойку перед собой.

Лесть, конечно, штука хорошая.

И слушать, насколько я всех лучше (ага, всех умнее, всех румяней и белее), без сомнения, приятно.

Но и я у себя – одна-единственная, случись что – другой не выдадут.

Мне было что сказать капралу на его расчеты. Я перебирала слова, заполнившие голову. Они все были справедливыми. Обоснованными и логичными. Они все были правильными.

Я удержала их при себе.

Просто в тот момент, когда я уже готова была вывалить их наружу, Ивлин Маккой в моих мыслях спросил с усталым интересом:

«Тебе в твоём белом пальто не жарко?»

А еще – «Жизнь чуть-чуть сложнее, чем инструкция».

И «Полковник мужик жесткий, за то время, что он командует частью, здесь ни одного форс-мажора не было».

Эрик Тревор, уставший ждать, заявился на склад как раз тогда, когда я молча расписывалась в ведомости. В ней не была проставлена маркировка, но в моем вещевом мешке лежала экипировка, строго соответствующая регламенту.

За это время ярость моя сдулась, оставив усталость и разочарование. Разочарование, в основном, собой.

Прав был лейтенант Маккой, ой, прав.

Отстранить меня, конечно, зря пытались, тут я права на все сто, и идти в этом вопросе надо до конца – но жизни я не знаю.

Шагая рядом с лейтенантом Тревором в новенькой, не обмятой еще форме, созерцая собственные берцы, я вдруг подумала, что Маккоевская правота мою собственную только подтверждает.

И раз уж подрастающая магическая аристократия жизни не знает, то ее уж точно не ограждать от службы надо, а наоборот – погружать в эту самую службу с головой.

Приобретения жизненного опыта ради.

Эрик Тревор, галантно отобравший мой вещмешок и теперь тащивший его на плече, заливался соловьем.

Хотя, какой он соловей? Будет павлином. Белым.

И Тревор «был»: распускал хвост, выпячивал грудь и всячески красовался.

А я что, мне не жалко, хочет человек грузы таскать – так что ж, мешать ему в этом благородном деле?

Майор Лисовский вылетел невесть откуда совершенно внезапно. Вид имел взмыленный, запаленный. Так и захотелось пристрелить его, бедолагу, из жалости.

Ему, наверное, тоже хотелось в отношении меня чего-то аналогичного, но сегодняшней день был жесток ко всем, не к одной только мне. И эта совершенно не альтруистическая мысль бодрила и добавляла желания смотреть в будущее с оптимизмом.

Майор зыркнул на меня злым взглядом, но рыкнул всё же на моего спутника:

– Лейтенант Тревор! Что это такое?! Кто позволил вам нести вещмешок мисс Феррерс?! Подобными действиями вы пятнаете честь аристократии, ставя под сомнение ее самостоятельность и обороноспособность! Немедленно отдать вещмешок хозяйке!

Вытянувшийся в струнку Тревор послушно сбросил ношу с плеч, и у меня сердце екнуло, когда он шлепнулся на землю.

Ах ты ж!..

Там же месячный магический боезапас!

Он, конечно, упакован и уложен, и навредить ему – это нужно еще суметь, но...

Кто ж так швыряет артефакты?!

Хвост павлиний – мозг куриный!

– Мисс Феррерс, – ележно обратился ко мне майор, – уверяю вас – подобное больше не повторится! Вам не о чем переживать! Никто больше не будет ограничивать вас в вашем желании служить на общих основаниях!

«Мстительная ты сволочь!» – мысленно восхитилась я.

Да меня тут прессовать по полной программе собрались?!

Ну, жуки-и-и!

Ну!

Но делать нечего, и я без особых колебаний ввязалась в игру.

Удержав рвущееся наружу мнение, сделала лицо дурочкой, жалобно посмотрела на майора, на лейтенанта...

Мужики ждали, лейтенант с глубоко спрятанным сочувствием, майор с едва скрываемым злорадством.

У меня задрожал подбородок.

У майора губы так и норовили расползтись в торжествующей улыбке.

Я оглянулась по сторонам...

Ни одного лакея из фамильного особняка Феррерсов вокруг не наблюдалось.

Видимо, осознание этого факта ниспослало мне озарение – чем еще объяснить тот факт, что я вспомнила про грузовые чары?

Я повела ладонью над поклажей. Слово, жест и волевой импульс – и вот мой груз поднялся в воздух, кувыркнулся, качнулся пару раз, занимая наиболее устойчивое положение и завис примерно в ладони над землей, готовый следовать туда же, куда и я.

Я взглянула на Лисовского, победно задрав подбородок, неимоверно гордясь своим достижением.

– Благодарю вас за помощь, майор!

Разочарование мелькнуло и растаяло, а предвкушение прочно поселилось в глубине взгляда, и командир скомандовал:

– Поспешите в столовую, обед скоро закончится. И не затягивайте – в пятнадцать-ноль-ноль вас ждут на инструктаж! Свободны!

– Так точно, сэр! – лейтенант отмер, и я тоже благосклонно кивнула, и отправилась за Тревором по направлению к столовой.

Злорадно и с предвкушением ухмыляясь не хуже майора.

Ну-ну!

Мы еще поглядим, кто кого.

Не вовремя обернувшийся Эрик Тревор смешался было – видимо, очень уж зверски-мечтательная у меня была физиономия, но быстро вспомнил, чего хотел, и остаток пути к пище телесной я проделала под его пространные комплименты.

С Маккоем мы столкнулись у самой столовой.

– Вы что, еще не поели? – слегка удивился он.

– Нет, – влез Тревор, – Мисс Феррерс получала обмундирование, – и рожа у него сделалась настолько похабной, что у меня сама собой зародилась мысль, что он таки подсматривал.

Мысль была неприятной и безосновательной.

На кой ляд ему подглядывать? Чего взрослый мужик там мог не видеть?..

– Я вижу, – Ивлин Маккой смерил взглядом меня в форме, безо всякого выражения, просто принимая к сведению. – Ну тогда поторопитесь, мисс Феррерс, время.

И когда Тревор ушел в одну сторону, а Маккой собрался в другую, перехватила его за рукав:

– Лейтенант, я тут пыталась вас отыскать, но не нашла, – и выразительно помахала у его носа телефоном.

Он хмыкнул, взял у меня из руки серебристый пластик, в два движения разблокировал (пароль поставить, что ли? Точно поставлю!), ткнул в иконку телефонной книги, ткнул в поиск, а потом вернул аппарат мне, и ушел, куда собирался.

Маккоевская спина удалялась в одну сторону, обеденное время – вовсе даже в другую, а я стояла и глубокомысленно созерцала контакт «Нянька» в своем телефоне.

Глава 3. Армейский юмор и жизнь

Следующие четыре часа прошли в беготне.

В других обстоятельствах я бы отказалась от сопровождения, и попыталась сама разобраться что здесь и где, но нынче время действительно поджимало, так что я болталась за Ивлином Маккеем, как паровозик на веревочке.

Чтение и подпись горы бумаг, инструктаж, безопасник, активировавший мой коммуникатор, потом еще немного бумаг и инструкций – но уже те, которые я заберу с собой на точку.

Пропуск, карта-ключ и некий жетон, к которым потребовалось прижать палец с выдавленной каплей крови в присутствии благодушного вида толстячка лет под пятьдесят. Из интереса приглядевшись к его работе, я мысленно уважительно присвистнула: судя по тому, с какой видимой легкостью он проделывал сложнейшие манипуляции, мне довелось иметь дело с магом-артефактором высочайшего ранга, хотя и очень узкой специализации.

Когда мастер закончил свою работу и ушел, майор Лисовский вручил мне все эти богатства, предупредив:

– Имейте в виду, мисс Феррерс, это ваши личные разрешительные документы, и их утрата ведет к самым серьезным последствиям – вплоть до Трибунала, поскольку на время вашей стажировки вы юридически приравниваетесь к военнослужащей. Они настроены на вашу ауру, но еще не активированы – из соображений безопасности, вся защита построена таким образом, что это принципиально возможно сделать только изнутри щитовой станции, к которой они дают допуск. Пока мы туда не прибудем, вы считаетесь лицом условно-допущенным, и ваш пропуск привязан к пропуску кап... лейтенанта Маккоя, который несет за вас полную ответственность.

Я внимательно слушала майора, попутно тайком рассматривая то, что мне выдали. Пропуск и карта-ключ выглядели обыденней некуда, а вот жетон будоражил воображение.

Допуск к portalу системы щит! Настоящий!

Предки, да только для того, чтобы подержать его в руках – уже стоило идти в армию!

– Мисс Феррерс, вы меня слушаете?

– Да! – оторвала я взгляд от увесистого кругляша из непонятного материала. – Вы сказали, что до тех пор, пока мои документы не активируются порталным магом, передвигаться по закрытой территории я могу только по пропуску моего сопровождающего, лейтенанта Маккоя и под его надзором!

– Всё верно, – кисло согласился майор. – Кстати, если вы хотите, то у вас есть последняя возможность сменить сопровождение. Всё же, лейтенант Маккой несколько резковат, и, боюсь, это неизбежно приведет к конфликтам. Лейтенант Тревор, к примеру, мог бы...

– Нет, благодарю! – я торопливо оказалась от щедрого предложения.

Надеюсь, меня при этом не слишком заметно передернуло.

Я столько способов утилизации трупов не знаю, чтобы лейтенанта Тревора переносить, и оставаться в относительном душевном равновесии!

– Ну что ж, значит, оставляем, как есть, – отозвался майор, и в его голосе мне послышалось сожаление.

Кажется, этот лейтенант Эрик Тревор настолько ценный кадр, что приставить его нянькой к зеленой неумехе – последний шанс получить с него хоть какую-то пользу.

– Можете отправляться ужинать, мисс Феррерс. К семнадцати-ноль-ноль вам следует явиться к точке сбора.

Я поблагодарила и отправилась туда, куда послали – прихватив, естественно, Маккоя.

Он всё больше мне нравился – хмурый и недовольный решением командования, но спокойный и молчаливый.

И когда я попросила не подсказывать мне дорогу к столовой, желая проверить насколько запомнила маршрут и вообще сориентировалась на местности, согласился без ритуальных ужимок и прыжков в направлении моей несамостоятельности.

К столовой мы вышли если не кратчайшим путем, то, по крайней мере, без блужданий.

Набрав на поднос увесистую порцию еды, я устроилась за столом и с удовольствием вытянула ноги.

Армейские ботинки, которые мне выдали, были мне в самый раз и по размеру, и по колодке, но новая обувь – есть новая обувь, какая бы удобная-мягкая-идеально сидящая она не была, а все равно, пока еще обомнется по ноге...

Зато что мне здесь нравилось – это меню.

Без ресторанных изысков, но вкусно, сытно и вдоволь.

Я увлеклась, и когда по соседству, за столом, который заняли офицеры моей группы, закрипели (заскрежетали? Я забыла слово) отодвигаемые стулья, спохватилась, что забыла про время.

Торопливо закончив прием пищи, я выпатила взглядом Маккоя и пристроилась в кильватер.

Впрочем, спешили мы зря – там, куда мы пришли, уже собралась вся группа, и теперь ждала неизвестно чего.

Пристроив свой летучий вещмешок на землю, я уселась сверху – набитый желудок недвусмысленно намекал, что поближе к земле ему будет гораздо лучше.

Вокруг примерно так же устраивались служивые.

Ждать пришлось недолго – я только успела переименовать в своем телефоне сопровождающего на «МакНянь», как явился Лисовский.

Повинуясь общему движению, я поднялась.

– В общем, так, – майор обвел нас всех взглядом. – Из-за капризов мисс Феррерс, мы упустили наш транспорт, и вернется он не раньше завтрашней ночи. Ждать столько мы не будем – на девятке ждут смену, они тоже люди, и тоже хотят домой, в конце концов, так что выступаем немедленно. Я получил разрешение на разовое перемещение к границе закрытой зоны. Там предупреждены, и огонь по нам не откроют. Так что сейчас порталом – к разрешенной точке, а оттуда – до девятки ножками. Всем всё понятно? Тогда стройся! Роксвуд, держи разрешение и координаты!

Я подобралась: наконец-то!

Столько волокиты, что я уже думала, что никогда на щитовую не попаду!

Один из магов, которого я не запомнила по имени, принял у майора лист, быстро пробежался по нему взглядом, и, испепелив бумагу, начал строить портал.

Дисциплинированные господа офицеры чинно построились по два и только что за руки не взялись. Ко мне подошел Маккой, и тоже построил меня по два – подпихнул к моему месту и сам встал рядом. Мой вещмешок, который я по гражданской привычке мысленно переименовала в рюкзак, построился к нам третьим – как служебный пес, строго у хозяйского колена.

Все остальные несли свои вещи как должно, за плечами – но майор показательно не замечал вопиющего нарушения с моей стороны.

Предвкушение знатного развлечения и врожденная подлость характера подмывали меня тоже что-нибудь показательно не заметить, но у вы – у младших по званию такие штуки не срабатывают.

А я и вовсе лицо насквозь гражданское, хоть и приравненное в статусе к младшему офицерскому составу – так пришлось мне поганый характер затолкать куда поглубже, и предвкушать с сугубо нейтральной физиономией.

Господа офицеры буднично и привычно шагали в развернутую арку перехода, и сквозь нее было видно, как они тут же отходят в сторону, освобождая дорогу следующей паре – и та, четко дождавшись этого момента, делала шаг под высокую дугу, обрамленную голубым сиянием, сквозь которую виднелся сосновый лес, трава и полоса бетонки. Единый организм, слаженные четкие действия сработанной группы.

Понимая, что мне в этом организме отводится роль вскочившего фурункула, я постаралась синхронизироваться с Маккеем настолько, насколько это для меня возможно, подхватить его ритм движения – ибо все мое существо протестовало против внесения диссонанса в эту слаженную работу.

Я шагнула за Ивлином, рюкзак рыбой нырнул за мной.

Незнакомый портал принял меня как обычно – то есть, растянул, сжал, скрутил в жгут, заложил уши и затемнил глаза, пинком отправил желудок к глотке, а мозги к пяткам.

Привычный к подобному организм вынес меня из портала прямоходящей. Хотя, стоит признать, меня слегка штормило, а плотный ужин, оскорбленный грубой тряской, не желал возвращаться на место, намекая, что за такие финты может и покинуть негостеприимную обитель. Но я даже сумела благовоспитанно отшагнуть в сторону, победив кратковременную потерю ориентации.

Издержки дара – повышенная чувствительность к структуре чужих порталов. К стационарным это, к счастью, не относилось – а может быть, они просто были для магии все одинаковы, а вот первая встреча с индивидуальными всегда давалась тяжело.

Зато сейчас во мне оседала подробная информация о деталях и особенностях портала и построившего его мага, собранная за время перехода подлым гиперчувствительным организмом, не считающимся ни с целесообразностью, ни с мнением носителя.

Заложенные природой настройки работали безупречно и коррекции не поддавались. С этого момента я раз и навсегда запомнила почерк коллеги – такой же уникальный, как дактокарта или сетчатка – чтобы больше никогда и ни с кем его не перепутать.

Кто бы еще подсказал, зачем бы мне это было надо!

При всех преимуществах, что давали мне способности природного порталного мага, некоторые их аспекты повергали меня в уныние.

Но если разобраться, то меня многие вещи в него повергали. Например, оказавшийся рядом лейтенант Тревор, с его распушенными перьями и назойливыми знаками внимания.

Да еще и Маккой, чьей массивностью можно было бы оградиться от навязчивого интереса его коллеги, остался по ту сторону портала.

Надо будет с ним поговорить, и выяснить, как, Тревор восприимчив к человеческому слову? В смысле, остановит ли эту павлинью вакханалию простое и четкое «нет»? Если не остановит – тогда, наверное, свалю эту проблему на широкие маккоевские плечи. Нянька он мне, или не нянька? Назвался груздем – блюда деточкину честь.

Портал свернулся за спинами последней пары, майор отдал приказ, и маги потянулись бетонке, на ходу вытягиваясь колонной.

Лейтенант Маккой, хмуро скомандовал:

– Держись за мной, – и втянулся в общее построение, а я с лицом пай-девочки потрусила за ним.

И все было прекрасно метров двадцать – пока мой преданный рюкзак вдруг не шлепнулся на бетонку.

Я повернулась к вещмешку, лежащему у ног, и вытянула над ним руку – восстановить левитацию.

Майор, с интересом следивший за моими действиями, дождался, пока он поднимется в воздух, и только тогда скомандовал:

– Отставить!

И наслаждение было написано такими крупными буквами, что на лице ему места банально не хватило, и оно расплзлось на всю коренастую майорскую фигуру.

– Видите ли, мисс Феррерс, щитовые порталы – объекты государственной важности, и вокруг каждого из них установлена зона частичной магической тишины, в которую мы только что и вошли. Колдовать здесь могут только маги охранения, находящиеся на боевом дежурстве. Так что – закидывайте вещмешок на плечи и вперед, как простые смертные!

Я взглянула на майора глазами раненого олененка.

Старый олень остался равнодушен к муке, написанной в этом взоре.

(Ну, не то, чтобы совсем равнодушен – злорадство он, определенно, сейчас испытывал немалое!)

Я обвела взглядом подразделение, прекратившее движение по поводу остановки командира. Ни у кого из мужиков особого сострадания к моему положению видно не было (на лейтенанта Тревора я принципиально не смотрела, а лицо лейтенанта Маккоя по эмоциональной выразительности приближалось к деревянной чурке).

– И имейте в виду, мисс Феррерс, до щитовой около десяти километров, добраться надо не позже, чем в двадцать два тридцать, и ради вас сбавлять темп никто не станет! Если отстанете – будете добираться самостоятельно, и ждать утра у ворот.

Ужас, отразившийся в моих глазах, стал ему наградой.

Ах, какая жалость, что я не умею плакать по заказу!

Сейчас это было бы как некогда кстати!

– Вперед, мисс Феррерс, вы и так нас здорово задержали – не усугубляйте положение!

У меня снова задрожала нижняя губа, и я с мольбой в голосе обратилась к отцу-командиру:

– Но... Может быть, кто-нибудь мог бы мне помочь?..

(Видите, майор? Я не требую, и не качаю права, а смиренно прошу о помощи, как кроткая овечка),

– Мисс Феррерс, – упивался майор мигом своего торжества (надо же, какое удовольствие человеку доставила, аж приятно!). – Вы хотели действительной стажировки и требовали равных со всеми условий!

На эти жестокие, но справедливые слова я могла только понуриться.

– Впрочем... – он смерил меня взглядом, – Если вы желаете, капитан Роксвуд мог бы вам помочь...

Ого!

Я вскинула голову, не веря своим ушам...

– И открыть вам портал обратно в часть. Думаю, полковник Арвенгейл с пониманием отнесется к этому вашему решению! – добил майор капризную девчонку, вздумавшую корчить из себя величину неимоверной крутизны.

Я взглянула на рюкзак.

На майора.

Взялась за ляжку, неуверенно потянула на себя.

Взглянула на майора, вложив во взгляд всё своё отчаяние.

И одним рывком забросила рюкзак на плечи, попрыгала на месте, распределяя поклажу равномерно и преданно уставилась в майорские глаза, стараясь одновременно просмаковать полностью все испытанное сейчас мстительное наслаждение, но и не позволить ему отразиться на лице ни единой чертой.

– Чего замерли? – рявкнул майор на подчиненных, лишив меня законной награды в виде своего разочарованного лица. – Привал – через полчаса, и дальше до базы без остановок!

Я мысленно присвистнула, оценив суровость решения, и пристроилась в хвосте у Маккоя.

Бетонка в две полосы стелилась прямой лентой сквозь светлый сосновый лес, глазеть по сторонам было особо не на что, так что я мозолила взглядом филей лейтенанта, держась за ним как пришитая на положенном расстоянии.

Не знаете вы, ребята, что такое фамильное упрямство семейства Феррерс. Я только из него одного приду к цели вровень с вами. Пусть даже в процессе сдохну – это вообще ни на что не повлияет.

Ив

Аристократка перла по дороге как молодая лошадь, и явно собиралась продолжать в том же темпе до скончания времен, если понадобится.

Она уверенно мерила экономным шагом бетонку, пить на ходу не пыталась, очевидных глупостей не совершала и особо страдающей от веса вещмешка не выглядела.

В очередной раз накатила легкая злость на эту дуру: зачем было нужно устраивать все это представление? Захотелось майора в лужу посадить? А что под его началом дальше служить придется – мысль в голову не залетала?

Отчего-то я больше не сомневался, что она таки будет служить, а не перебирать бумажки в штабе. Мысль не то чтобы радовала – но и не вгоняла в глухую злобу. Прошедшего времени хватило, чтобы смириться с существованием девицы и даже отказаться от надежды спихнуть ее на Эрика. С каким выражением она глядела на нашего местного ловеласа оценили все, и только Тревор то ли не верил в искренность этих взглядов, то ли планировал сломить сопротивление объекта в ходе осады, а потому испытывал только азарт.

Я от души желал ему удачи, но ставить на это, пожалуй, не стал бы.

Злой, как демон, майор месил пыль впереди колонны, подавая пример своим бравым видом и красной рожей.

И я готов был поставить годовое жалование на то, что если бы не девка, то мы бы спокойно дождались транспорта в части, и выехали бы с утра в сопровождении безопасника. В конце концов, предыдущую группу до появления подмены с дежурства никто не снимет, машина, имеющая допуск на передвижение в закрытой зоне, сейчас только одна, и она все равно, совершив объезд территории, вернется в часть – и уже оттуда, получив приказ Арвенгейла, отправится назад, на девятку, за озверевшей от волокиты подменой.

На привале, когда личному составу давалась возможность поправить амуницию перед долгим переходом, майор следил за стажеркой прямо-таки не спуская глаз, как кот за мышью, но та по-прежнему отказывалась пороть дурь. Она отдыхала на ногах, пить из фляги не стала, лишь прополоскала рот и сплюнула, а перед тем, как удалиться в кусты – получила разрешение.

Она покраснела и волосы липли к потному лицу, но усталой не выглядела.

Майор, который, видно, надеялся, что получасовой переход в быстром темпе и с грузом девицу поставит на место, скомандовал начинать движение, и группа выдвинулась.

До первого поста оставалось еще минут десять быстрым темпом.

До девятки их будет три, а сколько секреток мы пройдем, и какое количество защитных заклинаний просветит нашу группу от макушек до подошв, и думать страшно.

Объекты, входящие в систему «Щит» очень хорошо охраняются.

Не спроста, конечно.

Система порталов стратегического назначения «Щит» охватывает весь мир.

Она – всемирное достояние. Без шуток.

Лет сто двадцать назад её не было и в помине, и в наш мир лезли... а кто только не лез.

Твари всех мастей и размеров, на любой фасончик.

По сей день по всему миру можно встретить причудливые следы иномирной флоры и фауны – некоторые даже статус охраняемых видов получили.

Но вообще, если вдруг вы встретили нечто со склонностью к любому магическому проявлению – это, стопроцентно, потомок переселенца из сопредельного мира, ассимилировавшийся к местным условиям, и давший потомство, а то и удачно скрестившийся с аборигеном.

Коренная живность нашего мира магический способностей не имеет по умолчанию.

Но вот как раз те виды, что прижились – это мелочи.

Из сопредельных миров к нам лезла шантропень разной степени агрессивности, приходили магические бури, а если очень уж не везло – то и вовсе энергетические цунами

Всё, что несло опасность, выбивали безжалостно – как раз магическая аристократия, предки нашей сегодняшней проблемы. То, что невозможно было уничтожить (а энергетическая буря это вам не монстр, ей поединок не навяжешь) – аристократы принимали на себя.

Вставляли живым заслоном, поднимали щиты, встречая основной удар – и гибли, десятками, иногда, история не врет, даже сотнями.

А когда буйство стихии утиhalo, выжившие утирали кровавые сопли и шли ликвидировать последствия – восстанавливать связь и работу больниц, координировать действия спасателей и пожарных, обеспечивать выживших теплом и едой, организовывать эвакуацию пострадавших и работу добровольцев.

Подобные катаклизмы, пусть и куда реже, случались и сейчас.

Там, куда пришелся удар магической бури, мир на время слеп и глух: выходила из строя сложная техника, а примитивная и живучая безбожно сбоила, приходили в негодность высоковольтные линии электропередач, сходили с ума измерительные приборы...

Мир лихорадило.

Обычные маги, вроде меня, могли справиться далеко не со всеми последствиями, и магическая аристократия выкладывалась до доньшка, чтобы восстановить нормальную жизнь.

Пожалуй, тогда, сто двадцать лет назад и многие века до этого, она действительно были гарантом выживания – не только нашего государства, но и человечества в целом. Привилегии для себя и для своих потомков они оплачивали по самой высокой ставке.

Но это было именно выживание.

Создание системы высокомогущных и взаимосвязанных порталов стало переломным моментом в истории нашего мира.

Эта сеть, охватившая весь мир, получила имя «Щит» и сделала ситуацию предсказуемой. Контролируемой.

А сами порталы – стали самыми охраняемыми объектами в нашем мире.

И вот к одному из них рвется быть допущенной мадам «Я-лучше-всех-знаю-как-будет-правильно».

Храните нас, Предки и Магия.

Пост. Проверка документов. С виду – вроде как первая, но за те два часа, что мы чешем по территории, было уже два как минимум два скрытых поста, а струны сторожевых заклинаний натянуты через каждые сто метров.

Я их не вижу и не ощущаю – просто знаю, что так оно и есть.

При других обстоятельствах, уже сегодня в ночь я бы занимался тем же самым, но у нас же Феррерс теперь – так что, из расписания караулов меня исключат.

Моя работа на этот месяц – ходить хвостом за стажером, объяснять ей непонятное, отодвигать в сторону опасное и не подпускать к хрупкому.

Очередь на проверку дошла до нас, и девица разумно подтянулась ближе ко мне.

Выглядела она уже не так хорошо, как утром. Потная, красная, но, вроде бы, живая. Если дотянет до щитовой – я ее даже уважать начну. Парни, которые поначалу условными знаками

пытались делать ставки, как быстро новенькая сдуется, теперь гадали о другом – поднимет ли майор темп?

Если судить по злой роже Лисовского, перспектива была вполне реальной.

Невозмутимый молоденький маг с нашивками боевого стихийника проверил мой жетон, сопряженный с ним жетон подопечной, получил правильный отклик, и без слов кивнул нам на рамку детектора.

Зловещие красноватые отблески контрольных заклинаний пропустили отряд без проблем, подтвердив сидящему за бронированным стеклом оператору – запрещенных вещей не обнаружено.

Шлагбаум, перегородивший бетонку по среди глухого леса, поднялся, то ли желая нам счастливого пути, то ли поторапливая выметываться поживее с территории.

Майор дал команду, и мы послушно вытянулись в колонну.

Формально, расположение ключевых узлов системы «Щит» было государственной тайной – но очень формально.

Проблема в том, что система «Щит» – это именно система, и расположение порталов подобного масштаба жестко завязано на логику и геометрию магических полей планеты.

Магические законы ради секретности не обойти – как бы нам этого ни хотелось.

Нет, официально правительства всех стран-носительниц «Щита» всё, связанное с ним, конечно, спрятали под зловещими грифами, все специалисты, допущенные к охране и обслуживанию, дают клятвы с применением магии и расписки с применением мозгоклюйства, но... но эта тайна так и останется тайной для нелюбопытных, а любопытные посидят в сети, пороятся в учебниках, и вычислят все, что им надо.

А раз объект, имеющий такое огромное значение, не вышло защитить секретностью – его защищают оружием.

Вот эта дорога в две полосы бетонных плит – единственный участок на этой территории, по которому можно относительно свободно перемещаться. Очень относительно и при наличии всех положенных допусков и разрешений.

И проверяют их у нас еще не раз.

– Держим темп! Не болтаем! – рявкнул Лисовский, реагируя на переговоры где-то впереди.

«Козел» – отпальцевал мне бегущий впереди Тревор.

Я ухмыльнулся.

Возразить на условный знак мне было нечего.

Солнце величественно клонилось к горизонту, слепя глаза и вытягивая наши тени в длинные полосы.

До базы оставалось еще примерно столько же, сколько мы уже прошли, плюс еще три проверки.

Мэнди

– Проходите, – вежливо пригласил солдат, открывший мне дверь в комнату, которой предстояло стать моим жилищем на ближайший месяц.

Узкая и тесная, но одиночная (как хорошо приравняться к младшему офицерскому составу!).

Койка, стол, шкаф. Полка над столом. Чисто до стерильности. Аскетично.

Но есть, где вытянуться во весь рост и куда бросить вещи – и, по большому счету, достаточно.

Переход от границы безмагической зоны до щитовой дался мне тяжело.

Не только потому, что я отвыкла от нагрузок, но еще и потому, что приходилось делать вид, будто мне все не по чем.

А когда ляжки рюкзака надавили плечи, не разношенные и жесткие армейские ботинки трут, а от непривычной нагрузки гудят мышцы, изображать беспечную туристку на легкой прогулке как-то...

Но упрямство и задетое самолюбие толкали на глупости и требовали держать лицо.

Я осторожно, почти со стоном опустилась в постель поверх покрывала.

Сейчас, две минутки полежу, и разложу вещи по местам.

По прибытии на базу нас не распустили отдыхать сразу же – и тут у меня претензий не имелось.

Новичка требовалось внести в защитные настройки Щита, иначе меня испепелило бы при первой же попытке пройти дальше приемника-распределителя.

Доставить такую радость близким я не могла.

Внесение нового лица в списки лиц, допущенных к пребыванию на щитовой – дело не быстрое.

И непростое: от мощи магии, задействованной в процессе, у меня аж зубы заломило.

Повторяя за капитаном-безопасником слова клятвы, я чувствовала, как меня опутывают магические нити, как они впиваются в мою ауру и сливаются со мной, становятся неотделимой частью моей энергетической структуры.

«Защищать, невзирая ни на что, если понадобится, ценой собственной жизни» – это не просто слова.

С того момента, как я произнесла их, с того момента, как путы заклинания легли на меня – я не оставила себе выбора.

Я буду защищать, или умру.

Я буду защищать, потому что с этого момента в моей системе ценностей и приоритетов на первом месте стоит и всегда будет стоять безопасность портальной системы «Щит».

Такие клятвы не имеют обратной силы.

А такая магия запрещена законом в большей части сфер, и исключение делается лишь для отраслей, связанных с безопасностью всего мира.

Да и приносятся они сугубо добровольно, только теми, кто осознанно и взвешенно сделал такой выбор.

Я сделала свой выбор осознанно и взвешенно.

Я не чувствовала внутреннего противления, произнося древние слова.

Группа уже давно расплзлась по местам, и только Маккой терпеливо ждал, пока безопасник прекратит меня терзать.

Хотя мог бы и уйти – мой пропуск уже отвязали от его, и передвигаться парой мы уже были не обязаны.

Телохранительские же его обязанности, по большому счету, распространялись лишь на работу с порталом.

Опекать меня во все остальное время инструкции его не обязывали.

Мог бы уже идти злорадствовать вместе с остальными!

Возможно, я была к нему несправедлива, но эти ребята тоже не являли по отношению ко мне образец беспристрастности...

– Мисс Феррерс, можете быть свободны, – вмешался в мои мысли капитан, поставив последнюю печать в мои документы, и Маккой, мирно дремавший в углу весь последний час, оказался рядом и с небрежным видом подхватил мой рюкзак на плечо.

– Идем, я покажу тебе жилой сектор, – хмуро бросил он.

А я задумалась сразу о нескольких вещах – например, о том, что актриса из меня куда хуже, чем я думала.

И о том, что хамоватый любитель поорать на подопечных, похоже, не чужд сострадания. Очень хотелось отобрать у него этот чертов вещмешок.

Вот просто – взять и отобрать, и заявить, что я со всем справлюсь сама!

И я бы, наверное, так бы и сделала – не так уж он и намял мне плечи, этот треклятый груз, выдержала бы как-нибудь еще несколько минут. Да и вообще, мне ведь и больший вес доводилось таскать, и куда более продолжительное время.

Но...

Но мне почему-то казалось, что он действительно имел в виду ничего такого. И на самом деле просто пожалел мои плечи.

И я проглотила всё, что вертелось на языке.

И если нас застучает майор, то пусть Маккой сам придумывает, почему наплевал на его приказ!

– Это административный уровень, – объяснял мне мой спутник устройство щитовой, – единственный наземный. Все остальные – подземные. Лифт там, – он махнул головой в сторону створок в дальнем конце холла, – и вон там.

Кивок прямо по курсу – и вот мы грузимся в кабину, Маккой нажимает кнопку «минус три», и появляется ощущение падения.

– Щитовая станция большая. Помимо нас, здесь постоянно квартируется подразделение солдат-немагов, проживает командный состав щитовой, умники в погонах, которые вроде как служат, но на самом деле двигают науку, ну и обслуживающий персонал, конечно – так что народу хватает. Женщин тоже прилично, об этом можешь не волноваться, удобства для вас предусмотрены отдельные, ну и с кем поговорить, найдется, и всякое такое, если вдруг потребуется. Правда, они большей частью вольнонаемные и живут на минус втором этаже, а ты, вместе со всеми военными, будешь на минус третьем. На минус первом никто не живет, там арсенал, учебные залы, спортзал... Завтра посмотришь сама. Минус четвертый этаж – зона ограниченного доступа, там, собственно, и будет находиться твое рабочее место. Ну и мое, пока ты здесь.

Лифт давно приехал, мы вышли и передвигались теперь по скудно освещенному коридору.

Остановившись перед двумя белыми дверями, он сунул мне в руки мой рюкзак.

– Держи. В душевой повесишь так, чтобы его видеть. Плевать, если там сейчас пусто. Твое магическое обеспечение приравнено к оружию. Если твое оружие не в арсенале – ты обязана постоянно держать его в поле зрения. Всё поняла?

– Так точно!

– Сегодня плескаться можешь сколько влезет, в обычные дни на помывку отводится пятнадцать минут. Тебя подождать? Нет? Ну и отлично!

И он удалился, оставляя меня – мне.

Потом был душ, и я исправно «держала» взглядом рюкзак (проклятый лейтенант, ему бы дрессировщиком быть!), медотсек, где разбуженный и потому ворчливый целитель, лысый, как колено, исцелил мои стертые до мяса ноги, а я внимательно проследила, чтобы он внес повреждение в медкарту, и вот, наконец – койка.

Кочка! Чистенькая и опрятная, на которой можно принять горизонтальное положение!

Я расслабленно подумала, что надо бы встать и разложить, наконец, вещи, и решила дать себе еще пять минут.

Глава 4. Теория и дедовщина

Проснулась я от того, что кто-то потряс меня за плечо:

– Феррерс, подъем.

Я дернулась на кровати, как ужаленная.

– Я проспала?

– Нет, – хмыкнул лейтенант, выпрямляясь. – Общая побудка через три минуты, тебе как раз хватит времени привести форму в порядок и собраться. Я стучал, но ты не слышала.

Эти слова, пожалуй, можно было счесть извинением за вторжение.

Я молча кивнула.

– Спасибо.

Маккой дернул углом рта и вышел, а я обвела мрачным взглядом свою обитель.

Ну, здорово.

Просто супер.

Теперь он окончательно убедился, что я ни на что не годна – вещи не разложены, кровать не разобрана, а я вырубилась поверх покрывала, даже не выставив будильника!

Если бы не лейтенант...

М-да.

Майор имел сегодня все шансы стать счастливым человеком...

– Щитовая станция похожа на перевернутый конус, – степенно рассказывал мне Роберт Экеой, старший порталный специалист девятой щитовой станции. – Самая широкая часть, основание – это наземная часть. Построек там мало – приемник, который ты видела, наземная часть портала, и, в общем-то, больше ничего. Молодая сосновая поросль и сторожевые вышки по периметру. Знаешь, почему поросль молодая?

Я понимающе усмехнулась.

– Правильно, – верно расшифровал мою ухмылку Экеой, – Потому что при каждой «волне» деревья выкашивают пулеметным огнем и магическими атаками. Следом за наземными сооружениями идет минус первый этаж. Обычно он пустует, и дай Магия ему пустовать почаше и подольше. В случае, если возникнет необходимость эвакуировать население – в результате катастрофы, к примеру, техногенного, природного или магического характера – станция может принять население небольшого городка. Правда, будет тесновато – так что, это скорее временная мера на экстренный случай, перевалочный пункт. При нужде расконсервация производится за полчаса.

Наверное, это было существенное достижение, голос старшего специалиста был отчетливо хвастливым – и я сделала лицо «mmm, ну надо же!».

– Минус второй этаж – это вольнонаемные специалисты и станционные службы. Кухня, прачечная, столовая – все там. Минус третий отдан на откуп военным и приравненным к ним лицам. И, наконец, минус четвертый. Вершина перевернутого конуса и сердце станции – портал.

Эта речь была отработана на многих поколениях стажеров – именно в тот момент, как Роберт Экеой закончил ее, лифт остановился и выпустил нас, и мы оказались перед массивными укрепленными дверями. Карта старшего специалиста скользнула по прорези считывающего устройства, и он указал мне на него же.

– Ваша очередь, господа.

Я и лейтенант повторили движение, и двери с мерным шумом выдыхаемого пневматикой воздуха разошлись в стороны – и также медленно и неотвратно сошлись за нашими спинами.

Мы оказались в маленьком помещении, между двумя совершенно идентичными дверями.

– Через считывающее устройство должно пройти столько идентификационных карт, сколько человек находится перед дверями, иначе они просто не откроются, – предупредил Экеой. – И прошу обратить внимание, мисс Феррерс: поскольку допуск лейтенанта Маккоя спарен с вашим, ваша карта должна быть считана раньше его. И то же самое касается пропускного жетона.

Он подставил сканеру свой жетон, болтавшийся на шее на металлической цепочке.

Мой со вчерашнего вечера я носила так же. Цепочка была слишком короткой, чтобы снять ее через голову – а растянуть ее могли только там же, где и надели. Несъемное украшение.

Когда Макнянь успел обзавестись таким же, я не уследила, но на дороге у него вроде бы не было.

Индикатор на двери одобрительно пискнул, красный огонек сменился зеленым, и Экеой отступил в сторону, уступая мне место перед глазом сканера.

Миров во Вселенной множество.

Наверняка, где-то есть и разумная жизнь, а не только у нас (хотя иногда я начинаю сомневаться, что нас можно считать «разумной» жизнью. Например, оглядываясь на вчерашний день).

Существование разумной жизни в мирах, кроме нашего, наукой не подтверждается – доказательства в наш мир не попадали.

По крайней мере, широкой огласке не придавались.

А вот сам факт множественности миров – научно доказан.

Строго говоря, многие столетия подряд доказательства периодически высыпались нам на головы.

Приятного в этом было мало – попадавшие в наш мир существа, ошалевшие от перехода, попавшие в незнакомые и по умолчанию опасные условия, представляли собой немалую угрозу для мирного населения. Плюс – колебания магического поля. Плюс – энергетические цунами.

Я не представляю, как человечество вообще выжило в таких условиях, но, думаю, не малую роль в этом сыграли маги.

Хотя и самим магам приходилось несладко. Долгое время эти катаклизмы играли роль естественного отбора. Видообразующий фактор.

Именно так и зародились нынешняя магическая аристократия.

Самые сильные вставали на защиту остальных, получали почести и привилегии и сочетались браком с такими же сильными.

Недостаточно сильные гибли, пытаясь противостоять магической стихии. Избыточно сильные гибли в детстве, не умея справиться с собственной силой.

Выживали и давали потомство те, у кого в геноме имелось нужное сочетание признаков, позволявшее пережить сперва младенчество, после – стихию.

Они скрещивались между собой, стремясь закрепить в наследственности нужный признак. Выявляли закономерности. Составляли генеалогические древа. Так сформировались нынешние магические рода.

Со временем всё устоялось.

Нужные свойства закрепились в геноме, аристократы научились противостоять агрессивной внешней среде, потери среди наиболее сильных одаренных снизились до приемлемых показателей.

Сложился баланс.

Но мы все равно гибли.

Мы – это жители нашего мира. Маги, не маги, аристократы и простые люди.

Это страшно и тяжело, жить, ожидая, что в любой момент разверзнутся хляби небесные и на твою голову обрушится удар. Никто не хочет жить, в любой момент ожидая катастрофы. Никто не хочет терять своих детей.

Решение было найдено около полутора столетий назад.

Группа ученых, магов и не магов, после долгих лет напряженной работы, совершила прорыв, который стал новой точкой отсчета в истории нашего мира.

Им не сразу все удалось.

Работа с теорией заняла много лет, а потом не меньше времени потребовалось, чтобы довести ее до практики, но итогом стала теория порталной сопряженности миров.

Порталы бывают трех видов: индивидуальные, стационарные и мировые.

Не межмировые – путешествия между мирами невозможны, мы пока не нашли способ преодолевать сопротивление межмирового пространства, чтобы прыгать наугад, и не имеем якорей, которые позволили бы перемещение по заданным координатам, что снизило бы энергетические потери. Но над этим работают – я точно знаю, меня звали в эту группу.

Мировые порталы формально можно было бы отнести к стационарным – но факту в их основе лежит в корне иной принцип действия.

Их суть плотно сопряжена с тканью мира.

Самим своим существованием они разрезают магическое поле нашего мира, снижают его плотность.

Как итог, что мы имеем?

Правильно.

Где тонко – там рвется.

Если на некой территории есть мировой портал, то в случае очередного катаклизма он случится именно в зоне воздействия портала.

И гораздо проще бороться с нашествием иномирной пакости, когда точно знаешь, где оно случится. Отсутствие гражданского населения на территории и стрелковые вышки с магическими расчетами по периметру в этом вопросе крепкое подспорье.

Великий ученый, стоявший во главе группы исследователей, предложил сделать сеть таких порталов. Создать вокруг нашей планеты Щит.

Не надо думать, что все сразу прониклись этой идеей.

Помимо общей для всех проблемы извне, существовала, существует (да и будет существовать) внутренняя разрозненность, соперничество стран за ресурсы и место под солнцем.

Но эта проблема действительно была общей. Лидеры мирового сообщества смогли прийти к единому мнению.

Территории под порталы выделили все.

Строили долго.

Еще дольше доводили до ума.

Только около восьмидесяти лет назад мы пришли к нынешнему состоянию системы.

Но зато сейчас...

Я с благоговением смотрела на картину, открывшуюся передо мной, когда охранные системы наконец допустили нас к святым святым.

Тогда, в момент создания, этот портал только гарантировал, что наплыв чудовищ из других миров произойдет на заранее известной местности. Сегодня же он служил магическим стабилизатором – исполинских размеров накопитель, лежавший в основании порталов, при магических бурях тянул в себя излишки свободной силы.

Все накопители системы «Щит» являли из себя единую сеть, разделенную предохранителями. В случае заполнения одного из них, предохранители вылетали, и избыток силы уходил

в соседние – но ни разу за все время функционирования накопители не были наполнены более чем на восемьдесят процентов.

Ну и в довершение всего, порталы системы «Щит» используются для эвакуации мирного населения при катаклизмах и переброски помощи в пострадавшие регионы.

Поскольку расположены они всех странах мира, это в некоторой степени подрывает обороноспособность каждого отдельного государства.

Словом, по этой и многим другим причинам, использование порталов для каких-либо иных целей международной этикой запрещено.

Дабы не накалять обстановку.

Да и если отбросить неистребимую паранойю сильных мира сего – эти каналы сообщения слишком важны, чтобы забивать их такой ерундой, как транспортировка грузов или пассажиропоток.

Я осторожно протянула руку, и коснулась каменных клыков внешнего порталного кольца.

Нет, ребята.

Такие вещи используются только для вопросов жизни и смерти.

Для благоговейного созерцания мне отвели не так уж много времени.

– Я, конечно, понимаю, мисс, что вы прикоснулись к мечте. Но, может быть, давайте уже работать?

Я физически ощутила, как стоящий за моим плечом Маккой ухмыльнулся.

Ой, подумаешь!

Можно подумать, если бы он увидел тачку своей мечты, он бы не так на нее пялился!

Ну, или, не тачку.

Я не знаю. О чем там мечтают взрослые мальчики?

– Итак, мисс Феррерс. Что вы можете рассказать мне о мировых порталах?

Экеой оперся задом на рабочий стол, и внимательно на меня уставился.

Мы находились в круглом помещении со сводчатым потолком, и здесь как нигде остро ощущалось – мы находимся под землей. В искусственного происхождения пещере.

За моей спиной была запертая дверь с системами защиты, под ногами – полированный разноцветный камень, а вдоль стен, по периметру комнаты – заставленные оборудованием столы.

И он – портал – в центре комнаты.

Я бодрой скороговоркой выдавая определения и характеристики, я рассматривала то, что раньше видела лишь на картинках.

Двенадцать каменных клыков во внешнем круге высотой почти в мой рост. Двенадцать клыков вдвое меньшего размера во внутреннем круге. Две скрещенные арки по центру.

И – огромное множество сложных символов, покрывающих эти камни плотной вязью.

– То, что находится перед нами, здесь – это основание портала. Условно принимается за его «дно». Над нами, на высоте двадцати метров, имеется площадка, зеркально отражающая эту – там клыки направлены остриями вниз, как и арки. Это считается условной «крышкой» портала. Всё, что находится между ними, считается «портальной трубой». Наземная часть портала необходима, в первую очередь для того, чтобы области истончения мирового магического поля, через которые в наш мир попадают вторженцы, находилась над землей, где для боевых магов и солдат более удобные условия работы. Во вторую очередь она позволяет, при некоторой ловкости и опыте, поиграв с настройками, откорректировать точку выхода из портала на любой отрезок трубы. В случае массовой эвакуации населения это позволяет не допустить контакта с порталом лиц, не имеющих допуска, и избежать скопления народа здесь, у сердца портала.

Я представила, какую давку создали бы в этом не слишком-то большом помещении эвакуируемые из зоны бедствия люди, которых потом пришлось бы сопровождать на предназначенный для них минус первый этаж, а среди них были бы раненые, больные и дети, кто-то держал бы в руках личные вещи, а с кем-то были бы спасенные домашние любимцы, и все эти люди были бы испуганны...

А лифтов всего четыре – но это с минус третьего этажа. Отсюда – только один, и тот не грузовой... А лестниц только две. А народ прибывал бы партиями...

Да.

Благословен будь тот, кто сумел добиться свободного перемещения плоскости выхода по трубе портала.

Экеой слушал меня, одобрительно кивая.

– К каким последствиям приведет разрушение крышки портала?

– По большому счету, ни к каким. При нарушении целостности затруднится работа с настройками перемещения точки выхода по «трубе», а зона истонченного магического поля будет удерживаться на наземном уровне вплоть до полного разрушения «крышки», и после него – в течение суток, по теоретическим расчетам. На практике пока не проверяли, случаев полного разрушения «крышки» не было. Для компенсации же частичных повреждений и для коррекции расчетов, на каждом этаже в пол вмонтирована «крышка»-дубль...

У лейтенанта при этих словах по лицу пробежала тень.

Старший порталный специалист только углом рта дернул – не то чтобы в мой адрес, а словно своим каким-то мыслям.

– Правильно, мисс Феррерс. Всё абсолютно верно. Теперь – в чем будет состоять наша с вами работа...

Внутри меня разлилось трепетное предвкушение и что-то сладко задрожало.

Ив

После прибытия мадам на щитовую пошла вторая неделя, и с тех пор от нее были одни проблемы.

Проблемы эти главным образом заключались в том, что девица категорически отказывалась творить глупости, чем несказанно бесила майора. Более того, она еще и отказывалась его бояться и как-то принимать во внимание попытки устроить ей веселую жизнь и только огрызалась в ответ.

Чего стоил один только вызов к целителю на следующий же день после прибытия отряда на девятку.

Дежурный поднял меня до общей побудки и выдернул к майору, сообщив только, что у того в кабинете ждет целитель, и желает поговорить со ним и с офицером, сопровождающим стажера.

– Ага, наконец-то! Долго спите, лейтенант! – обрадовался мне Клизмовед (сие прозвище получивший за то, что всякий раз грозился за несоблюдение врачебных инструкций прописать пациентам профилактическую клизму).

– Потихе, – попросил его майор, – замечания моим офицерам буду делать я.

– Ну надо же, какой заботливый командир! – желчно восхитился целитель. – Может быть, объясните тогда, какая такая необходимость вынудила вас гнать подчиненных пешком около десяти километров там, где их обычно доставляет специализированный транспорт?

– С каких это пор командир группы обязан отчитываться в своих действиях военврачу? – бесстрастно спросил поинтересовался Лисовский.

– Верно, не обязан, – покладисто откликнулся целитель Борн. – До тех пор, пока ко мне не приходят после таких переходов новобранцы с ногами, стертыми в мясо.

Майор дернул щекой.

Феррерс продолжала преподносить сюрпризы. Зря я вчера решил, что она хорошо держится и не делает глупостей. Она обязана была доложить командиру подразделения о своей проблеме.

– Мне об этом ничего не известно, – процедил майор сквозь зубы.

– А я знаю, – отозвался док. – Я, видите ли, спросил её об этом. Стажер сказала, что никого не стала информировать, ибо, по ее мнению, это и было вашей целью. У вас, лейтенант Маккой, подопечная, полагаю, тоже не сочла возможным попросить помощи?

– Это чушь, я не...

– Стертые раны на ногах – это не чушь, майор, проверьте как-нибудь на себе при случае, очень рекомендую. Говорят, здорово помогает определиться с целесообразностью решений. В общем, так. Раны я исцелил, случай дедовщины в рапорте отметил, запись в медкарте сделал. Честь имею.

Док кивнул, и вышел из кабинета, подчеркнуто аккуратно закрыв за собой дверь.

– Вот же... – витиевато и непечатно охарактеризовал майор нашу подопечную.

В некотором смысле я его мнение разделял.

Любому другому стажеру или новобранцу я за такие номера, в духе «назло бабушке уши отморожу» устроил бы крепенькую головомойку. А потому попытался насыпать перца на хвост и мисс Феррерс, но на прямой наезд – почему не доложила о проблемах старшему по званию, она прямо глядя мне в глаза уточнила:

– А что бы это дало? Ну, кроме того, что меня в очередной раз унизили бы на глазах у сослуживцев. Майор остановил бы движение? Нет, – ответила она на свой же вопрос. – Предложил бы мне более удобную обувь? Тоже нет? Тогда что? Зачем мне напрашиваться на новое оскорбление?

Я вдохнул. Выдохнул. И, прижав мисс Зазнайку к стене, прошепел ей в ухо:

– А теперь запомните, мисс Феррерс. Устав написан не для того, чтобы вы думали, а для того, чтобы вы его выполняли! В будущем, в случае возникновения в походных условиях подобных проблем, вы доложите, – я выделил голосом это слово, – мне о них, иначе по окончании похода я вам просто ноги оторву, и избавлю себя от головной боли! И ваша жалоба на майора, вместе с рапортом дока, не будут иметь никакой силы – потому что вы. О проблеме. Не доложили!

Я отпустил балбеску, изучил стык стены и потолка над ее головой, и...

– Примите мои извинения, – слова я выдавил устало, через силу. – Мне не следовало... вот так.

Сказал просто потому, что был не прав. А девица не виновата, что у меня год идет через одно место. И что она меня бесит. И что...

– Можно на «ты».

– Что? – неожиданные слова выдернули меня из собственных мыслей.

– Можно на «ты», и без «мисс Феррерс». Я Аманда. Только не надо никаких сокращений, ладно? И извинений не надо. По крайней мере – таких. Перебьюсь.

– Каких это? – вопреки логике, мне стало почти обидно.

Я тут перед ней корячусь, а ей – «не надо»!

– Таких! – она неопределенно обвела жестом мое лицо. – Такое ощущение, что вас сейчас ими размажет!

Надо было извиниться искренне. Или хотя бы разрешить встречное «тыканье».

Но я не сторонник панибратства с подопечными.

А она сама сказала, что перебьется.

Она действительно неплохо держалась. Для вчерашней студентки, и человека, который не планирует связывать свою жизнь с армией – так и вовсе, отлично. В штатных ситуациях

действовала грамотно, согласно поставленным задачам, вперед паровоза не лезла несмотря на то, что вопросы задавала активно и везде совала свой нос – фигни не творила. Просто все ей надо было знать. Во всем разобраться, разложить по полочкам, а потом сложить обратно, как было, и посмотреть – будет ли оно работать. Если она в кого вцеплялась со своим исследовательским интересом – это всё, насмерть.

«Проще дать, чем объяснить, почему нет».

Мисс Феррерс быстро переименовали в Мисс Шило-в-заднице.

К тому же задница у нее... да-а... Мужики оценили.

В последнее время утренняя зарядка стала самым популярным мероприятием дня у всех, кто не на боевом дежурстве – ибо ее ежедневно почитала своим присутствием мисс Феррерс в спортивном топе и армейских штанах.

Не знаю, на что рассчитывал майор, обвязав ее заниматься физподготовкой, но, как по мне, этим он сам отдал парней ей в руки.

А Феррерс особо и не протестовала.

К концу первого занятия поклонников у нее прибавилось помимо Тревоора.

Дамочка не терялась, среди потных полуголых мужиков не тушевалась, но и внимания особо не обращала. На занятиях жилы особо не рвала и выше головы прыгнуть не пыталась, но и не флонила – выкладывалась честно.

С ней приятно было работать.

Всегда приятно работать с тем, кто честно выкладывается по полной, а не отбывает нудную повинность.

Ты понимаешь, для чего ты здесь, когда у твоего подопечного глаза горят.

Я особо старался ей спуска не давать, а парни...

Нет, грех их винить – фигурка у Феррерс действительно зачет.

А еще эта коза как-то раз зажала меня в угол, и поинтересовалась, какие у меня отношения с Тревоором. Узнав, что дружеские, обрадовалась – значит, унять его в моих же интересах, а то мол, посадит она его за домогательства, не моргнув глазом, ибо достал уже.

С Тревоором я пытался поговорить уже и без самых умных, но тот уперся, и голос разума слушать не хотел ни в какую – девица ему нравилась чем дальше, тем больше, и Эрик уже из шкуры выпрыгнуть готов, лишь бы обратить на себя благосклонное внимание.

...о допуске к телу речи уже ни шло.

Мадам не стеснялась, не комплексовала и тела не стыдилась, ни своего, ни чужого, но всех поклонников прекрасного (себя, то есть) держала в строгости. На почтительном расстоянии.

А по поводу Тревоора сошлись на том, что пока он только глазеет и вьется вокруг с комплиментами, она терпит – а вот если перейдет эту черту, или распустит руки, то тут уж она в своем праве.

Я вздохнул.

Пока Феррерс работает в портальной, мое дело – молча и ненавязчиво присутствовать у нее за спиной, либо – подпирать стенку, если работа идет непосредственно с порталом.

– Ну, как она?

Майор перехватил Экеоя на обеде в столовой.

Тот стоял в очереди прямо за мной, и я, составляя на поднос обед, невольно прислушался к их разговору.

– Да... Толковая девка. Хваткая. – по кислому тону Роберта можно было понять, что это не похвала, а обстоятельство, лично ему причиняющее досадные неудобства.

Я ухмыльнулся – не лю-ю-юбит наш гений новенькую.

Он привык, что стажеры ему в рот заглядывают. Гуру, наставник! А с нынешней «ученицей» любая неточность обернется пятном на авторитете. И так уже лаборанты ей в рот смотрят.

Багаж знаний у Феррерс обширный, чутья и профессиональной удачи тоже достаточно. Ей пока не хватает только практического опыта.

Глава 5. Практика и вливание в коллектив

Мэнди

– Подъем, Феррерс, – скомандовал Маккой, выдернув меня из вязкого, тяжелого какого-то сна.

Я сначала села, принялась тереть лицо ладонями – не сразу сообразила, что проспала, и надо подрываться резче. Потом до меня с трудом дошло, что сейчас ночь, и я никак не могла проспать.

Но раз надо – значит, подъем, да. Я с выработавшейся уже сноровкой одевалась и трясла головой, пытаясь ее прочистить.

В голове гудело, к горлу то и дело подкатывала муть, а восстановить привычную координацию всё не удавалось. Тело ощущалось ватным.

– Живей, Феррерс, живей! – подгонял меня лейтенант, и тут до меня дошло.

Это же не остатки сна, из которых я никак не могу выпутаться, это же Пробой!

Дурнота, скверное самочувствие, частичное нарушение ориентации в пространстве – это же признаки колебания фона, сглаженные стабилизирующим эффектом порталного накопителя!

Остаток амуниции я нацепила за доли секунды.

В крови бурлило нетерпение, предвкушение, здоровая опаска и жажда битвы.

Демоническая смесь.

Лифты были заблокированы, и по лестницам я неслась сперва быстрым шагом, а потом бегом.

– Здесь – налево, – поправил меня Маккой у какого-то поворота на минус втором, и мы свернули в неприметное ответвление, потом еще раз, несколько тяжелых бронированных дверей – а потом скудно освещенный ход с подъемом вверх, и по нему я, сгорая от нетерпения, летела уже скачками.

Сила пела в крови, и меня гнала вперед мысль, что наконец-то я сделаю здесь что-то нужное!

Серый коридор служебного хода, освещенный потолочными лампами, забранными в решетки, закончился быстро, тяжелая бронированная дверь открылась автоматически, выпуская меня на поверхность у подножия одной из стрелковых башен.

Я успела окинуть взглядом местность, увидеть, как кипит и взрывается под пулеметным огнем земля – стрелки на башнях отсекали основную часть пришедших с Пробоем существ от группы магов, сражавшихся с песчано-серой тушей. И выбрала место, где я никому не помешаю и не помешают мне.

Все это заняло мгновение, меньше вдоха. Я сгруппировалась и рывком метнулась к выбранной точке.

Собиралась, вернее.

Потому что споткнулась и полетела лицом в траву и прошлогодний опад, а сверху на меня навалился Маккой, ногой вдавив в землю мои бедра и взяв руку на болевой прием.

– Тихо-тихо-тихо, – ласково приговаривал лейтенант, но не заорала я вовсе не поэтому.

От остроты ощущений попросту дыхание сперло.

Маккоевский локоть весомо упирался мне в спину, одна моя рука была завернута под весьма интересным углом и совершенно не болела – если, конечно, я не пыталась ею пошевелить. На второй руке в захват попали только пальцы, но вывернуты они были так, что от малейшего напряжения мышц, конечность простреливало болью.

– Успокоилась?

– А... Ага... Да! – потрясение, адреналин и общее интересное положение здорово давили на мозги, с членораздельной речью обнаружилась проблема. Кашлянув, я собрала волю в кулак и внятно произнесла: – Я успокоилась, да. Отпустите, мне неудобно.

– Молодец.

Маккой непринужденно перехватил мои руки, вроде бы, ничего толком не поменялось, но ощущение, что мышцы порвутся от малейшего движения, меня покинуло.

Отпустить совсем лейтенант, впрочем, не торопился.

– Твое место в любом силовом столкновении – у меня за спиной. Поняла?

– Поняла!

– Повтори.

– У тебя за спиной!

– Умница. – Лейтенант скатился с моей помятой тушки, и скомандовал: – За мной!

И почти сразу скрылся внутри стрелковой вышки.

Я вскочила на ноги, отряхнувшись как собака, и рванула за ним.

Что я чуть не облажалась по-крупному, до меня дошло почти сразу, как лейтенант поставил мне подножку – выскочить на поле боя в разгар сражения, внести сумятицу в слаженные действия работающей команды, это...

Это еще постараться надо, чтобы придумать.

Не уследи за мной Макнянь – и парни на вышках вполне могли бы огрести по самое не балуйся, за то, что я погибла под дружественным огнем.

Стыдно признать, но лейтенант снова помешал мне сделать майора счастливым человеком.

Я молча бежала следом за Маккеем, чувствуя, как предвкушение и нетерпение распирают меня заново.

А вообще, близость пробоя оказывала на меня какой-то странный эффект.

Я читала об ухудшении самочувствия, о перепадах уровня силы. Паника, приступы паранойи, истерики – все это не редкость. Но вот это нездоровое нервное возбуждение, вплоть до потери осторожности?

Я старалась взять себя в руки. Очень старалась. Но оно кровь бурлила в жилах. Сила звала и пела. И только суровая спина Маккоя, ясно транслирующая «Только попробуй!», мешала мне рвануть вперед и вверх, на обзорную площадку.

Обзорная площадка сторожевой башни была просторной, три на три метра, примерно. Квадратная, укрытая от непогоды крышей на четырех столбах, огражденная по периметру бортиком и перилами.

Два пулемета на подвижных турелях – один молчал, а второй безостановочно плевался пулями по бурлящей массе внизу. И неожиданно мало людей: по три солдата возле каждого орудия, и боевой маг, с хищным интересом наблюдающий за тем, что происходит на земле.

– Становись здесь, Феррерс.

Боевик – это был Нил Корнвелл, один из тех парней, с кем я успела более-менее познакомиться, – ничего не сказал, мазнул одобрительным взглядом и вернулся к своей работе.

Маккой утвердил меня чуть правее боевика, сам встал за моей спиной, очень близко, я буквально кожей ощущала тепло его тела.

Впрочем, это мне, возможно, мерещилось, а вот едва ощутимое прикосновение рук к плечам было совершенно реальным.

Правый пулемет замолчал, и тут же залаял левый – голодно, зло, с едким запахом пороховой гари, отдаваясь вибрацией в каменный пол.

С других вышек таким же судорожным свирепым лаем отзывались его собратья. Очереди косили, не разбираясь, что пришедших в Пробой тварей, что сосновый подрост...

Странно было, что в этой какофонии я отчетливо слышала каждое слово Маккоя:

– Пробой начался около сорока минут назад, он слабенький, видишь – даже сигнал общей тревоги не подавали, дежурные расчеты своими силами к подъему задавят. Это плюс. Во время таких слабеньких волн умники обычно наглеют и требуют предоставлять им образцы пришедшей с волной фауны, для исследований, анализов и сбора статистики – это минус. Вот там, куда ты так внимательно сейчас смотришь, наши пытаются спеленать шестищиткового мохнача. Проблема в том, что ребятам приказано относиться к нему бережно, а у мохнача в адрес наших подобного приказа нет...

Я почти не слушала размеренный и ровный голос лейтенанта. Всем своим существом, всем вниманием я была сейчас там, внизу, вместе с магами, пытавшимися наложить на здоровенную тварь путы. И чуть ли не приплясывала на месте, комментируя и отчаянно более за наших.

Боевик, контролирующий остальную массу тварей, в ответ на особо горестный стон-возглас только оглянулся на меня – понимающе-сочувственно.

А я мысленно застонала – да не так же надо было! Не так!

Нестерпимо, до зуда в кончиках пальцев, до крупных мурашек по коже, хотелось вмешаться. Помочь. Принять участие.

И Маккой вдруг внезапно спросил:

– Хочешь попробовать?

Меня словно жаром изнутри залило. Огнем, жидким пламенем. И мой очумелый, неверящий взгляд был истолкован как «Да!»

– Нил, предупреди-ка наших, – попросил Ив, и боевик, чуть ухмыляясь, объявил в переговорное устройство:

– Все в стороны! Все в стороны! Будет поддержка сверху!

Маги, с такой высоты глядевшие не крупнее муравьев, дружно подались в стороны.

О, как я старалась!

Заклинание выплелось четко, как на тренировке. Лучше, чем на тренировке!

И вперед оно ушло по идеальной, невыносимо-безупречной траектории, оставив за собой красивый, ровный след в магическом поле, видный лишь одаренным.

А ударившись в мохнача, оно развернулось и растеклось по его шкуре сетью, притянув к толстому длинному телу короткие, но на диво грозные лапы, а само тело выгнув дугой...

Рывок, другой – и пленный зверь обмяк.

Паралитическая сеть сработала безукоризненно.

Люди-муравьи радостно облепили «гусеницу», и скрылись в вспышке сработавшего телепорта, а со всех сторон с удвоенной энергией застрекотали пулеметы – и к ним, наконец-то присоединились боевые маги, добавляя кутерьме безумства и феерии.

Я обернулась к лейтенанту – для кого я тут, в конце концов, изо всех сил выживалась?

А тот вместо того, чтобы произнести давно заслуженную похвалу, вдруг предложил:

– В зачистке поучаствовать хочешь?

Он шутит?!

Да я тут чуть из штанишек не выскочила!

Нил, оглянувшийся на нас с веселым удивлением, рассмеялся.

– Давай, Корнвелл. Под мою ответственность! – попросил его Маккой и тот только головой недоверчиво покачал...

А потом – потянулся к переговорному устройству.

Я следила, прикипев к нему жадным взглядом.

Вот он поднес переговорник ко рту.

От волнения я не слышала ни слова, и только видела, как шевелятся его губы.

Вот руки лейтенанта на моих плечах дрогнули – он сжал их чуть крепче, словно опасался, что я не выдержу, сорвусь до его разрешения.

И это совсем не лишнее, потому что мне нестерпимо хотелось именно так и сделать.

Сила распирала меня.

Ее больше, чем когда бы то ни было! Ее давление почти невыносимо – и это и восхитительно, и мучительно сразу.

Вышки замолкают одна за другой – и когда затихает последняя, остается только вонь пороховых газов и существа из Пробоя внизу.

Лейтенант убрал руки.

Там, где они только что лежали, плечам вдруг становится невыносимо холодно, но это не важно, ничто не важно!

Я делаю шаг вперед – чтобы никто не помешал, не сбил.

И плету заклинание – выверяя каждое движение и невыносимо красуясь, выкладываясь изо всех сил...

Мужская часть нашей семьи любит это заклинание.

Оно пластичное и в умелых руках беспроblemно послушное.

Я люблю его меньше – слишком много сил оно жрет, но!

В этой ситуации – нужно именно оно.

Я разжала пальцы, и чары ушли вниз, и гудящее море белого пламени хлынуло, заполняя собой все пространство меж сторожевых вышек, выжигая все в этих очерченных границах любое живое существо...

Покрывая чудом выжившие сосенки, камни, траву, подножия вышек слоем пушистого белого пепла.

Ну?

Теперь-то меня наконец похвалят?!

За спиной, откуда я ждала если не бурного восхищения, то хотя бы сдержанного одобрения, задумчиво молчали.

– И сколько сил тебе для такого вот заклинания понадобилось? – осторожно уточнил мой телохранитель.

– Весь резерв, – так же осторожно призналась я, уже сообразив, что хвалить меня не будут, но не совсем понимая, чего от меня хотят. – Я же не на боевом посту, от моего пустого резерва ничего непоправимого не случится...

– Как быстро ты восстановишься?

Я прислушалась к себе.

– На данный момент, примерно четверть уже есть.

Нил тараторжил на меня, как будто впервые увидел.

Маккой глубокомысленно кивнул каким-то своим соображениям и скомандовал:

– Возвращаемся в расположение, Феррерс. Можешь идти досыпать, от утреннего построения и зарядки я тебя освобождаю.

И мы пошли.

Ноги гнулись плохо, и тело было деревянным – переполнявший меня восторг и адреналиновое возбуждение отзывались мелкой дрожью в мышцах, желанием немедленно куда-то бежать и что-то там делать. Удерживать тело в повиновении удавалось с трудом.

Я очень старалась двигаться естественно – ведь не объяснишь же всем и каждому, что это на меня «вдохновение битвы» так подействовала. Если кто-то увидит – точно решит, что у домашней девочки поджилки от страха трясутся...

– Это как понимать?! Это что такое было?! – майор вылетел чертиком из коробочки и сходу начал орать.

Вот минут пятнадцать назад и я бы вдоволь на него поорала, отводя душу – а сейчас всё, не хочется.

Все накипевшее во мне с нелепого начала моей службы выплеснулось.

Гнев, обида, неуверенность в себе, желание доказать всё сразу всем на свете – глупое, наносное, не стоящее внимания – всё это выплеснулось из меня, вместе с «белым пеплом».

Сколько, оказывается, во мне было ненужного.

Майор, к счастью, разгуляться не успел – Маккой вмешался с объяснением.

Санкционированное и проведенное под надзором и руководством старшего вмешательства в работу группы по устранению Пробоя возбуждало Лисовского гораздо меньше. Оно и понятно – тут меня в позу «зю» не поставишь, а лейтенанта, видать, ставить неинтересно.

Майор еще немного по дрожал ноздрями, поиграл желваками и затребовал у Маккой отчет. А по итогам снизошел:

– Молодец, Феррерс. Отлично сработано.

Что, простите?

Он что, всерьез думает, что кому-то тут интересно его мнение?!

Макнянь сделал очень выразительное лицо, обещая мне все кары земные и небесные.

Я мысленно вздохнула и вежливо склонила голову.

– Благодарю.

Взгляд лейтенанта сделался понимающим и чуть насмешливым.

Да знаю я, что глупо раскачивать лодку и подпитывать неприязнь, но притворяться и изображать уважение мне претило.

Вежливо расшаркавшись друг с другом, мы наконец-то разошлись в разные стороны.

Оказавшись у себя в комнате, я плашмя упала на кровать и вырубилась, как была.

А разбудил меня снова Маккой

Кажется, это уже становилось традицией.

– Подъем, Феррерс!

В этот раз мысли собрались в кучу быстрее.

– Собирайся, идем.

– Что, опять?

– Вот за что я не люблю гражданских специалистов, Феррерс, так это за отсутствие дисциплины. Любой военный уже бы молча двигался в нужном направлении, а вы непременно миллион вопросов зададите, да еще и в норматив по одеванию не укладываетесь!

Никаких признаков пробоя в пространстве не ощущалось.

Внутренние часы сообщили, что проспала я весь день, и сейчас – около десяти часов вечера,

Не удостоив это возмутительное заявление ответом, я оделась и выжидательно уставилась на Маккой.

– Вперед! – скомандовал он.

Ну а мне что, я пошла.

Вперед, назад – какая, к демонам, разница?

– Налево. Прямо. Налево, – командовал Маккой мне на поворотах.

– Сюда, – скомандовал он перед комнатой отдыха, и я вошла.

В комнате отдыха занимались тем, для чего она и предназначалась – отдыхали. Мягкие диваны, толстый серый ковер, активные игровые панели на стенах, стол с какой-то очень символической едой, и десятка полтора магов-офицеров, увлеченных всем этим.

– О-о-о! – многоголосо отметили они мое появление.

Я растерялась.

В каком смысле – «о-о-о!»?

А как же суровое мужское братство, которое должно максимально сплотить ряды перед вторженной?

На мое плечо легла маккоевская ладонь, и сразу остро ощутилось, какое это плечо маленькое и хрупкое по сравнению с этой лапищей, а по спине побежали горячие мурашки.

Не время бегать, балбески!

Всем сидеть на месте, вокруг вон чего творится – непонятно чего, а вы разбегались, дуры!

Маккой подпихнул меня в направлении стола, всё так же оставаясь за спиной.

Физиономия, по которой я мазнула взглядом, была непроницаемой.

Это нервировало.

Мужики радостно оживились.

Это нервировало еще больше.

Стулья раздвинули, освобождая место для еще одного. Как по волшебству среди скудной еды появились кружки, из ниоткуда возникла бутылка с характерной этикеткой, и в емкости плеснула янтарная жидкость.

«Не чай!» – наябедничало обоняние.

Ребят, а вы не офигели?!

Мало того, что бухаем на стратегическом объекте, так еще и у меня (аристократки) на глазах!

Передо мной кружку поставили тоже.

Сперва здоровенную, на пол литра, потом Корнвел и Маккой переглянулись и заменили ее тарой вполовину меньшей.

Светлая жидкость, та самая, про которую нюх утверждал, что при таком запахе она однозначно горючая, булькая, заполнила кружку до краев.

Меня тоже заполнило до краев – чувством глубокого изумления.

То есть, мало того, что вы на стратегическом объекте бухаете, – поправила я собственную мысль – вы еще и меня (аристократку) спаиваете!

– До дна, – подтвердил мою догадку Корнвел и придвинул ко мне посудину.

Я перевела диковатый взгляд с одного на другого.

Посмотрела на остальных, которые затаив дыхание ждали, что будет дальше.

Недрогнувшей рукой взяла кружку и, стараясь не сильно думать и чувствовать, выпила всё, что было в нее налито.

Ну просто потому, что ситуация внушала острую потребность.

– Опа-опа-опа! – загалдели взрослые мужики, как дурноватые подростки. – Давай-давай-давай!

Кто-то засвистел, кто-то захлопал – но воодушевление выказали все.

Макнянь отобрал у меня кружку, с которой я страшилась расстаться во избежание эксцессов, поставил ее на стол и торжественно объявил:

– Господа боевые маги! Нашего полку прибыло!

И горячая рука снова лежала у меня на плече, а коварные мурашки, вступив в сговор со спешно употребленным алкоголем, снова поползли по организму.

Э, нет!

Не надо нам такой радости!

Волевым усилием я собралась и незаметно – надеюсь! – запустила комплекс заклинаний магической детоксикации. Ибо пьяной в компании малознакомых мужиков оставаться категорически не планировала – мои мама с папой идиотов не рожали.

Подумала, и поправила настройки, оставив допустимые промилле на уровне бокала шампанского.

В конце концов здесь Маккой, и у меня ритуал посвящения!

Имею право, я считаю.

– Ну, так, Феррерс, у нас принято – после первого боя новичок проставляется. – известил меня Роксвуд. – Но мы сейчас на щитовой, и ты у нас желторотик, сама здесь не добудешь, так что, когда вернемся в часть, с тебя причитается.

В некотором обалдении кивнула. И выдала вопрос, запредельный в своей гениальности:

– А это, вообще, разрешено?

– Нет, – веско ответил Корнвел. – Поэтому майора мы и не пригласили.

Ага. Логично.

– То есть, майор не знает...

Смешно сказать, но меня мало волновала законность пьянки, я просто тихо и искренне радовалась, что раз он не знает – значит, не придет, а раз не придет, то мне и не придется с ним общаться!

Это ли не радость, господи?

Над моей головой кто-то рассмеялся, и меня под коленки пихнули стулом, а когда я села – вместе с ним придвинули к столу.

Вальштейн, проделавший этот трюк, ухмыльнулся, и пояснил:

– Как бы не знает. Ни он, ни Гоммелыштайн. Формально. А по факту – группе, которая отбила пробой, разрешено отпраздновать. В рамках разумного, конечно.

Я вспомнила свой до краев налитый стакан.

Ой, разные у нас с вами рамки разумного, господи боевые маги. Ой, разные!

А потом махнула рукой и расслабилась.

Меня хлопали по плечам и по спине.

Поздравляли с боевым крещением.

Предлагали еще коньяка. Когда предлагали слишком настойчиво, я находила взглядом Маккоя, лениво развалившегося на диване и в пьянстве участия не принимавшего, он делал сур-р-ровое лицо, и щедрый даритель отваливался.

Очень удобно!

Разговоры-разговоры-разговоры.

Общая радостная и атмосфера, осознание, что мы – молодцы, мы сегодня одержали пусть не большую, но и не маленькую победу, ощущение принятия и общего со всеми настроения, легкого и приподнятого – я пьянела от этого без вина, и те ничтожные капли, оставленные для легкости духа, можно было убрать, ни на что они не влияли.

По комнате отдыха расползлись ровным слоем маги и занимались, у кого к чему душа лежала.

– Ты молодец, ювелирно границы провела. Наши потом ходили смотрели – ни одна вышка даже не потемнела от пламени, всё внутри барьера осталось! – Вальштейн с удовольствием общался на тему магии, и я ничего не имела против.

– А какую площадь максимально взять можешь?

– Зависит от стимула, – хихикнув, призналась я. – У меня сегодня личный рекорд был. Очень выпендриться хотелось!

Он хохотнул, и мы сделали кружками чин-чин. В моей, правда, был только воздух, но беседе это не мешало.

А как?

А сколько?

А как долго тебя этому заклинанию учили?

Слушай, а переходи к нам, в боевики? С минобороны утрясем!

Я поперхнулась непрожёванным вяленным мясом, представив глаза министра, который получит прошение перевести природного порталного мага в действующее боевое подразделение, и прям воочию услышала, что он мне на это скажет.

Вот прям лично в кабинет вызовет, и скажет – дядя Малькольм деликатностью не страдал, а о популярном мнении, что нецензурная лексика при работе с подчиненными снижает эффективность их труда, и вообще, кажется, не слышал...

– Нет, спасибо, – пробормотала я, и потянулась за водичкой, запить привидевшуюся картину.

– Слушай, – шепотом спросила я у собеседника, – а Маккой что, вообще не пьет?

Ну, не укладывалось это как-то в мои представления о бравом Макняне.

Вальштейн хохотнул:

– Так он же при исполнении!

Ой! Точно!

Рупер достал из-под стола бутылку, которую туда прятали на случай внезапного появления майора.

То есть, все как бы все знают, но правила игры должны соблюдаться неукоснительно.

Ритуал-с.

– Будешь? – вопросительно поболтал бутылкой Вальштейн.

Я отрицательно накрыла кружку ладонью – нет мол, спасибо – но тут с дальнего дивана подал голос Маккой.

– Феррерс, последний шот, чтобы спалось крепче – и мы отчаливаем.

И выдал на возмущенный ропот (не мой, кстати, еще я не подрывала авторитет человека, на которого можно свалить что угодно со словами «Мне Маккой не разрешает»):

– Парни, идите к демонам. Экеой собирался завтра ее на портал ставить, еще не хватало накануне до утра фигней страдать!

– Ясно-ясно! – Рупер примирительно поднял руки, в одной из которых по-прежнему держал коньяк. – Я все понял, госпожа наседка!

И демонстративно набулькал половину кружки, приговаривая:

– Давай, деточка, пей, мама сказала – маму надо слушаться!

А я сидела, как будто громом пораженная.

Неужели?

Неужели это правда?

Меня ставят в график осмотра порталов?

О-о-о!

От коньяка отказываться не стала – а то я после таких новостей сама точно не усну!

– Это правда? – я надела на лейтенанта, как только мы отошли достаточно далеко по пустым коридорам.

Освещение, выставленное на ночной режим, света давало едва-едва, но его хватало, чтобы рассмотреть выражение лица Маккоя.

Всегда не слишком выразительный, в этот раз он явно сдерживал ухмылку.

– Что правда?

– То правда!

– Откуда же я могу знать про то?

– Лейтенант Маккой!

– Стажер Феррерс!

Я с трудом подавила рычание. Ну надо же ему обязательно испортить мой триумф!

Он негромко рассмеялся.

– Да правда, правда! Экеой при мне с майором говорил, что даст тебе одну пробную ходку самостоятельно отработать, если хорошо себя покажешь – поставит к себе в смену вторым номером...

Я замерла, и душить лейтенанта передумала.

В смену!

Голову заполнили розовые мечты: в смену! Вторым номером! Не запасной, не стажерским довеском, а полноценным рабочим магом!

Смешок Маккоя меня не задел. Какое мне дело, с чего он там смеется, когда у меня тут мечты сбываются!

Да уже почти сбылись!

– Только молчок, он не со мной говорил, а с начальством, так что пусть сам тебе завтра объявит, а послезавтра пойдем.

– Я буду нема, как рыба! – заверила я. – а что еще он говорил?

Маккой поднял взгляд к потолку с невинным видом.

Та-а-ак...

Я сощурилась:

– Он точно что-то еще говорил!

Наверное, со стороны это выглядело глупо, но любопытство подзуживало, а коньяк шептал, что припереть Маккоя к стенке – отличная идея.

В прямом смысле слова.

Полкружки коньяка победили здравый смысл

Надо было видеть лицо Маккоя, когда мой локоть уперся ему под кадык, а вторая рука ухватила форму на плече.

Такой смеси изумления с умилением мне видеть не доводилось.

Маккой, прижавшись лопатками к стене, разглядывал меня с высоты своего роста, и, кажется, внутренне смеялся.

От глаз побежали смешливые лучики-морщинки, углы губ подрагивали...

Но нам было все равно! Мы – это я, любопытство и коньяк – были настроены серьезно.

– Последний раз спрашиваю! – зловеще-суровым тоном произнесла я.

Возможно, это было бы эффектней, если бы не наша разница в росте. И в весе. И в боевом опыте.

Но я же уже махнула рукой на здравый смысл – чудить, так чудить!

– Ну?!

– Да хвалил он тебя, хвалил! – вырвалось у него с интонациями «да отстань ты, отстань!»

Но нет.

Потому что я вдруг вспомнила.

– Ага! Ага... То есть, меня сегодня хвалили все: Экеой. Парни из группы. Даже майор! А вы-ы-ы! – я грозно сгребла в горсть его воротник. – Хвалите меня!

– С чего бы?! – дерзко вздернул бровь Маккой, пренебрегая опасностью удушения. – Заклинание вы выбрали избыточное, разрядили резерв в ноль, и тем самым подвергли опасности ваших сослуживцев – случись вдруг что-то в тот момент, вы бы не только не смогли ничем помочь, вы бы стали обузой! Ай-ай-ай, мисс Феррерс! Очень плохо! – заключил он с самодовольным видом и повозился, удобнее опираясь на стенку.

Я мстительно скрутила воротник, сдавив толстую шею. Исключительно в педагогических целях.

– А вот и нетушки! – я привстала на цыпочки, чтобы придать своему заявлению, если не весу, то росту. – Я в штат боевых магов не вхожу, а значит, с резервом могу делать, что хочу – он все равно нигде не учитывается! И вообще, при полном расходовании резерва первая треть у меня восстанавливается в течение семи-десяти секунд, это потом восполнение медленней идет! Так что вырвись там кто – ух, устроила бы я им похохотать! Что, съели?! Хвалите!

– Мисс Феррерс...

– Нет, хвалите!

Он рассмеялся, я с возмущением попыталась подняться еще выше на цыпочки, запнулась об его берцы и... От падения меня удержала широкая рука, обхватившая мою талию.

И черные глаза вдруг оказались как-то близко, и в них по-прежнему плясали смешинки, и темные волосы забавно топорщились ежиком, и рот оказался чувственным и красиво очерченным...

В общем, когда Маккой меня поцеловал, я сразу подалась навстречу, перехватила форму в кулаки поудобнее и отдалась процессу с головой...

Губы были твердыми и приятными на ощупь, а лейтенант – определенно знающим, что он делает. И предательницы-мурашки снова проснулись, и погнали по телу волну горячей дрожи, а когда верхней губы коснулся гладкий горячий язык, а потом ее легонько куснули...

Сердце застучало быстрее, ускоряя ток крови, гоня по венам возбуждение. Оно ударило в голову, сделало тяжелой и чувствительной грудь, породило ноющее чувство внизу живота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.